В. СУХОМЛИНОВЪ

(ОЧЕРКИ ЗА РУБЕЖОМЪ)

I

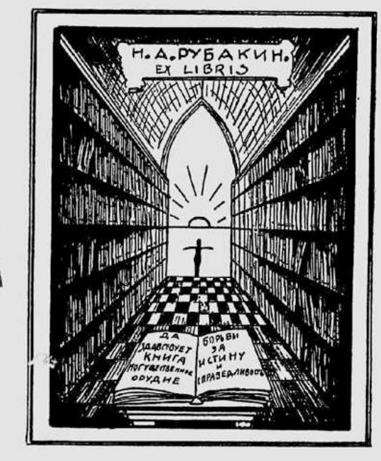
ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ
НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧЪ

(младшій)

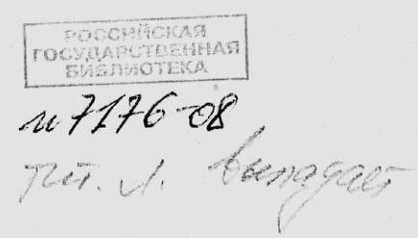
ИЗДАНІЕ АВТОРА.

Feilchenfeld's Buchdruckerei A.-G.
Berlin SW19, Beuthstr. 19.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

О пережитомъ за долгую жизнь въ Россіи, я изложилъ въ моихъ «Воспоминаніяхъ», продолженіемъ которыхъ является настоящій очеркъ, посвященный Великому Князю Николаю Николаевичу.

О злополучной, для судебъ Россіи и царствовавшей династіи, роли этого человѣка въ руки котораго покойнымъ Государемъ, въ тяжкую годину для страны, была вручена оборона государства и верховное водительство русскими арміями идетъ рѣчь въ этомъ моемъ очеркѣ.

Къ тѣмъ даннымъ, которыя имѣлись у меня въ бытность на высшихъ военныхъ должностяхъ моей родины, здѣсь «за рубежомъ», прибавились интересные матеріалы по вопросу о томъ, кто больше всѣхъ способствовалъ гибели Государя

Императора Николая II, равно какъ и развалу Русскаго Царства.

Пусть исторіи принадлежитъ окончательный приговоръ, но и современникамъ не мѣшаетъ знать правду о дѣяніяхъ лицъ, недавнихъ «героевъ», а особенно въ связи съ ихъ неугасаемыми вожделеніями къ возврату прошлаго.

В. Сухомлиновъ.

Берлинъ.
Май 1925 г.

ПЕРЕДЪ НАЧАЛОМЪ КРУШЕНІЯ.

* * *

Изъ обнародованныхъ въ послѣднее время тайныхъ дипломатическихъ документовъ видно, что если назрѣвавшую европейскую войну нельзя было избѣгнуть окончательно, то являлась возможность отсрочить эту катастрофу на болѣе или менѣе продолжительное время.

Бывшiй передъ тѣмъ Предсѣдателемъ Совѣта Министровъ графъ Витте, спросилъ меня однажды въ 1912 г. пришлось ли мнѣ говорить съ Государемъ о томъ, что онъ, Витте, мнѣ высказывалъ о союзѣ съ Германiей? Я отвѣтилъ ему, что не говорилъ, потому что Государь не любитъ, чтобы министры вмѣшивались въ специальные вопросы постороннихъ министерствъ, — а это вѣдь чистая политика!

«Это я знаю», возразилъ мнѣ графъ, «но считаю, что оно и васъ касается, какъ военнаго министра; мнѣ же хорошо извѣстно какое наслѣдство вы приняли, какiя вамъ палки въ колеса ставятъ въ вашей работѣ и какъ вамъ помогаетъ Владимiръ Николаевичъ (Коковцовъ, министръ

финансовъ). Вѣдь мы же не можемъ воевать при такихъ условіяхъ, — избѣжать войны сейчасъ мы должны во что бы то ни стало, и я вижу единственный выходъ въ союзѣ съ Вильгельмомъ, который, — повторяю вамъ, — очень къ этому склоненъ, говорю изъ первыхъ рукъ. Имѣйте въ виду, что финансовый барометръ, одинъ изъ болѣе достовѣрныхъ показателей политической погоды, настойчиво идетъ влѣво, прошелъ уже «перемѣнню», надвигается къ дождю и бурѣ. Попробуйте доложить Государю мой разговоръ съ вами, хотя бы внѣ официальнаго доклада».

Я такъ и сдѣлалъ. Когда Николаю Александровичу что-нибудь не нравилось при докладѣ, или онъ желалъ прекратить разговоръ, то начиналъ обыкновенно приводить въ порядокъ и безъ того въ идеальной аккуратности находившійся письменный столъ, выравнивалъ карандаши и перья, футляры съ мундштуками, портреты въ рамочкахъ и пр.

Такъ было и въ этотъ разъ, причемъ Государь, выслушавъ меня, только спросилъ: «А вы не знаете, говорилъ Витте объ этомъ съ министромъ иностранныхъ дѣлъ?» Смыслъ этого вопроса былъ мнѣ ясенъ и разговоръ былъ оконченъ.

Возвращаясь послѣ доклада изъ Царскаго Села, вмѣстѣ съ министромъ двора, графомъ Фредериксомъ, я разсказалъ ему этотъ эпизодъ.

Повидимому графъ Витте и министру двора свой взглядъ высказывалъ, такъ какъ графу Фредериксу это не было новостью и онъ былъ того мнѣнія, что такой союзъ могъ бы способствовать продолжительному, прочному миру.

На докладѣ графа Ламсдорфа, министра иностранныхъ дѣлъ, 16 октября 1904 г. имѣется собственноручная резолюція Николая II, которая свидѣтельствуетъ о томъ же. Высказывая опасеніе вызвать нарушеніе союзническихъ договоровъ съ Франціей, министерство иностранныхъ дѣлъ, докладывало эти свои соображенія Его Величеству. Николай II же собственноручно написалъ по этому поводу на докладѣ слѣдующее:

«Вполнѣ съ вами согласенъ. Изъ моего отвѣта на телеграмму Императора Германскаго вы увидите, что я сейчасъ стою за подобныя уступки Германіи и Франціи. Это избавитъ Европу отъ чрезмѣрнаго нахальства Англіи и въ будущемъ окажется весьма полезнымъ. Царское Село. 16 октября 1904 г.»

Вильгельмъ отлично сознавалъ, что этого не такъ легко достигнуть. Съ 1894 г. по 1903 г. онъ усиленно старался задобрить Францію, ликвидировать ея вражду, заживить раны 1870—71 г.г. Всѣ дипломатическія тонкости политическаго флирта съ его стороны были пущены въ ходъ, какъ во время Фашодскаго инцидента 1898—99 г. г., бурской войны 1899—902 г.г., а также во-

обще и во всемъ тонѣ сношеній министерствъ иностранныхъ дѣлъ. Одно время можно было думать, что не за горами и полное согласіе, — а тамъ и союзъ . . . , но какъ только дѣло доходило до фактическаго осуществленія, все развалилось прахомъ. Когда же на англійскій престолъ вступилъ Эдуардъ VII, и со времени образованія въ 1904 г. «Entente cordiale» въ особенности, императоръ Вильгельмъ понялъ, что надо мѣнять курсъ, заключить сперва тайно формальный договоръ съ Россіей, а послѣ того заставить Францію считаться со свершившимся фактомъ.

Если бы это удалось, то игра была бы выиграна; открытыя карты выяснили бы, что Франціи надо присоединиться къ континентальному союзу, иначе ей предстояла борьба съ Германіей въ одиночку и притомъ въ ближайшемъ будущемъ. Такой планъ, понятно, долженъ былъ храниться въ строжайшей тайнѣ, въ этомъ Вильгельмъ видѣлъ залогъ успѣха, а нашему Государю, въ виду не упраздненнаго договора съ Франціей, иначе и нельзя было.

До 1906 г. переписка императоровъ свидѣтельствуетъ о дружескихъ личныхъ отношеніяхъ, но затѣмъ она становится болѣе сдержанною, подчасъ даже сухою, что объясняется вліяніемъ короля Эдуарда на русское правительство.

Это охлажденіе прогрессировало до такой степени, что, сокращаясь постепенно, корреспонденція стала неискренней; тайное соглашеніе выдыхалось и проектируемый союзъ не осуществился, во вредъ Россіи и Германіи и на благо Англіи и Японіи.

Въ память битвы народовъ 1812 года, въ Лейпцигѣ сооружался памятникъ, торжественная закладка котораго назначена была въ 1912 г. А такъ какъ при изгнаніи «Корсиканца» въ Лейпцигскомъ сраженіи принимали дѣятельное участіе и русскія войска, то Императоръ Николай II рѣшилъ отправить ко дню закладки въ Лейпцигъ депутацію отъ русской арміи въ составѣ представителей нашихъ полковъ, принимавшихъ участіе въ этомъ бою. Въ виду того, что въ сраженіи подъ Лейпцигомъ участвовала наша гвардія, въ Петербургѣ ожидали, что во главѣ депутаціи будетъ поставленъ Великій Князь Николай Николаевичъ, какъ командующій войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа. Но ожиданія эти не оправдались, по неизвѣстной причинѣ, но о которой можно догадаться по той антипатіи, которую питалъ къ германской арміи Великій Князь. Государь командировалъ меня во главѣ депутаціи, вслѣдствіе чего пришлось въ Берлинѣ представиться Императору Вильгельму, — который принялъ меня очень любезно, но о политикѣ какой-либо и помина не было . . . Тѣмъ не менѣе моя командировка на закладку памятника въ Лейп-

цигѣ и визитъ въ Берлинъ произвела очевидно неблагопріятное впечатлѣніе, прежде всего на Великаго князя Николая Николаевича, — затѣмъ въ Парижѣ и мнѣ приказано было проѣхать во Францію, представиться Президенту Республики, что я и долженъ былъ продѣлать, очевидно, для успокоенія французскаго общественнаго мнѣнія. При свиданіи тамъ съ нашимъ посломъ Извольскимъ, я убѣдился, что со своимъ франкофильствомъ онъ увлекся до такой степени односторонне, что у него получился политическій флюсъ - французскій, совсѣмъ не въ русскихъ интересахъ. Точка зрѣнія графа Витте была для меня, поэтому, вполнѣ понятна; — обидно было сознавать, что нашъ посолъ въ Парижѣ не разбирался въ томъ, что Россія для Франіи была лишь — пушечнымъ мясомъ, по выраженію Наполеона I. Въ результатѣ такой политики должна была такъ или иначе вспыхнуть, такъ называемая, всемірная война въ Европѣ, благодаря которой произошли самыя невѣроятныя политическія пертурбаціи. Заварилась такая каша, расхлебать которую придется не скоро.

Въ концѣ концовъ все, конечно, перемелится и мука будетъ; но на то, чтобы перемололись такія, напр., абсурды, какъ Данцигскій маргариновый выходъ въ море и т. п. измышленія дипломатической фантазіи, — нужно не мало времени. А пока что, жизнь сама пробиваетъ тотъ

естественный путь, который необходимъ для безбѣднаго и мирнаго существованія народовъ.

Болѣе 10 лѣтъ прошло уже со времени возникновенія всемірной войны и получившійся въ результатѣ кавардакъ въ Европѣ не ликвидированъ еще; водвореніе нормальнаго порядка, всѣ ждутъ; всякой накипи пока много, но ее снимутъ постепенно и политическая жизнь «Стараго Свѣта» войдетъ въ свою колею обновленною.

Политико - экономическія условія, напр., такихъ двухъ громадныхъ странъ, какъ Россія и Германія указываютъ на то, что совмѣстная, дружная работа населенія этихъ государствъ является «Conditio sine qua non» для процвѣтанія и благополучнаго существованія около 250 милліоновъ жителей. Германія лишилась своихъ колоній и флота, потому что для такой страны, съ широко развитой фабричной дѣятельностью и при недостаткѣ сырого матеріала, явилось ненормальностью, которая такъ или иначе должна быть устранена, хоть какъ - нибудь компенсирована, чтобы фабрики имѣли возможность работать и масса ремесленниковъ нашла примѣненіе своего труда и количество безработнаго люда сведено было бы на нѣтъ.

Этого сырого матеріала въ Россіи сколько угодно; но коммунистическій экспериментъ, продѣланный надъ этой несчастной страной, привелъ ее въ тупикъ изъ котораго ей выбраться трудно

пока. Изгнанiе интеллектуальныхъ силъ, захватившими власть коммунистами, привело страну къ состоянiю «мертваго капитала», ведущему къ неизбѣжному банкротству. Но какъ и все ненормальное и такому положенiю придетъ конецъ, по всей вѣроятности даже въ ближайшемъ будущемъ.

По опыту многочисленныхъ нѣмецкихъ колонiй въ Россiи, можно безошибочно предсказать полный успѣхъ совмѣстной, дружной работѣ на экономической почвѣ, которая послужитъ лишь на благо и процвѣтанiе мирной, трудовой жизни этихъ двухъ, столь сильно пострадавшихъ, странъ Европы.

Эту точку зрѣнiя не раздѣлялъ, конечно, Великiй Князь Николай Николаевичъ и своимъ закулиснымъ влiянiемъ сбивалъ съ толку слабовольнаго Николая II, который не унаслѣдовалъ отъ своего отца устойчивости и твердости характера.

Какъ гибель царя, такъ и разрушенiе всероссiйской монархiи, внѣ всякаго сомнѣнiя, въ значительной доли, лежитъ на совѣсти Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича.

„МЕЧЪ КУЕТЪ КУЗНЕЦЪ, А ДѢЙСТВУЕТЪ ИМЪ МОЛОДЕЦЪ".

По этой народной поговоркѣ въ 1914 году роли «молодца» и «кузнеца» распредѣлились такъ: первая досталась Великому Князю Николаю Николаевичу, а вторая выпала на мою долю.

Безъ хорошихъ «подмастерьевъ» мнѣ было бы, конечно, трудно справиться съ такимъ сложнымъ дѣломъ, какъ возстановленiе нашей боевой мощи, загубленной до корня Японской кампанiей. Изъ бывшихъ же моихъ сотрудниковъ долженъ помянуть добромъ прежде всего такого честнаго работника, какъ бывшiй мой помощникъ генералъ Вернандеръ, въ особенности послѣ такого, доставшагося мнѣ по наслѣдству, помощника, какъ Поливановъ и такихъ же лукавыхъ, недобросовѣстныхъ людей какъ Великiй Князь Сергѣй Михайловичъ, Мышлаевскiй, Янушкевичъ, Величко и др. господа того же фасона. Но зато мнѣ посчастливилось найти полезныхъ и добросовѣстныхъ сотрудниковъ та-

кихъ, какъ Великій Князь Константинъ Константиновичъ, Жилинскій, Гернгросъ, Бѣляевъ, Кузьминъ-Караваевъ, Забѣлинъ, Лукомскій, Даниловъ, Добровольскій, Посниковъ, Брусиловъ, Балтійскій и многіе другіе, дѣльные люди, помогавшіе и работавшіе «не за страхъ, а за совѣсть», въ мѣрѣ своихъ силъ и способностей.

Когда послѣ неудачной для насъ войны 1904 г. съ Японіей, русскій военный мечь оказался съ такими зазубринами, что признанъ былъ негоднымъ къ употребленію и Верховному русскому вождю это стало уже ясно какъ день, то созданному тогда Соовѣту Государственной Обороны, подъ эгидою Великаго Князя Николая Николаевича, поручено было заняться соотвѣтствующей починкой.

Съ этимъ дѣломъ онъ, однако, не справился, «кузнечная работа» оказалась Великому Князю непосильной, а потому возстановленіе порядка и боеспособности русской арміи Государь поручилъ мнѣ. Такимъ образомъ я сталъ «кузнецомъ», а роль «молодца» досталась впослѣдствіи Великому Князю Николаю Николаевичу, который больше всего опасался, чтобы никому и въ голову не могло прійти дѣлить съ нимъ его полководческіе лавры.

Но на дѣлѣ оказалось, что одного лишь только желанія возложить на свою голову лавровый вѣнецъ еще не достаточно, если она соотвѣтственно для такого дѣла не создана. Теперь, съ

появленіемъ въ печати воспоминаній разныхъ политическихъ дѣятелей, дипломатовъ, промышленниковъ, равно какъ и опубликованіемъ документовъ, относящихся къ «чернымъ днямъ» всемірной войны, — лицамъ вообще прикосновеннымъ къ послѣдней, — является уже возможность разбираться потомству въ заблужденіяхъ, сверхъ-организаціяхъ тогдашней дипломатіи и разоблаченіи тенденціозной лжи.

Прежде всего вопросъ, — готовы ли мы были къ войнѣ? Въ 1909 году, не только безусловно не готовы были, но наша армія находилась въ полнѣйшемъ развалѣ. Къ 1914 году же въ ней порядокъ и боеспособность оказались возстановленными настолько, что къ выступленію въ походъ, продолжительностью отъ 4 до 6 мѣсяцевъ, никакихъ сомнѣній не возникало. На отпущенные же передъ самымъ объявленіемъ войны кредиты къ 1916 году русскія вооруженныя силы увеличились бы и боевая мощь могла возстановиться полностью и на болѣе продолжительное время кампаніи.

Въ этомъ отношеніи, какъ и во всемъ остальномъ мною предпринимаемомъ по части организаціи, хозяйства, промышленности, денежныя средства играли главную роль. Въ моихъ «Воспоминаніяхъ» я упоминаю о тѣхъ обостренныхъ объясненіяхъ, которыя имѣли мѣсто между мною и Коковцовымъ по поводу его несостоятельнаго мнѣнія о томъ, что армія будто бы должна об-

ходиться государству чуть ли ни минимальными на нее затратами и быть тѣмъ не менѣе на высотѣ своего назначенія. Извѣстнымъ изрѣченіемъ, что для веденія войны потребуются деньги, деньги и еще разъ деньги, онъ злоупотреблялъ до безобразія и мнѣ, поэтому, приходилось ему возражать въ томъ смыслѣ, что выступивъ въ походъ, самыми цѣнными денежными знаками нельзя будетъ выводить изъ строя непріятельскихъ солдатъ.

Знаменательна эта особенность нашей интеллигенціи: весьма часто не признавать истины и не считаться съ логикой. Въ данномъ случаѣ, поэтому, вмѣстѣ съ личными интригами Великаго Князя, добиться надлежащихъ кредитовъ для арміи, мнѣ было трудно.

Если денежный вопросъ игралъ такую серьезную роль въ дѣлѣ возстановленія боеспособности нашей арміи, то вопросъ личнаго ея состава и вмѣстѣ съ нимъ дѣятельности отдѣльныхъ войсковыхъ учрежденій, являлся дѣломъ не менѣе важнымъ.

До какой степени, во вновь созданномъ изъ Ученаго Комитета Главнаго Штаба, Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба не установилось никакихъ опредѣленныхъ исходныхъ положеній для работъ, выяснилось мнѣ непосредственно при пріемѣ этого новорожденнаго органа, когда я принималъ должность начальника этого главнаго управленія. За неотпускомъ надлежащихъ

денежныхъ средствъ, «съ бору да сосенки» командированы были офицеры Генеральнаго Штаба изъ различныхъ войсковыхъ штабовъ и управленій, по образцу Крыловскаго «Тришкина кафтана».

Безъ традицій и какихъ-либо установившихся стратегическихъ тенденцій, «всякъ молодецъ» пытался дѣйствовать «на свой образецъ», а одинъ изъ полковниковъ заявилъ мнѣ даже, что проситъ откомандировать его обратно въ свою часть, ибо за полъ года ему здѣсь пришлось составить всего лишь одну бумажку. Такому положенію способствовало, даже впослѣдствіи, затрудненіямъ заложить прочный фундаментъ возводимому строенію, ибо въ короткій промежутокъ 5 лѣтъ перемѣнилось 5 начальниковъ Главнаго Управленія Генеральнаго Штаба.

Такая неустойчивость не могла, конечно, содѣйствовать водворенію прочнаго порядка въ дѣлѣ организаціи, существеннымъ механизмомъ которой являлся бы скелетъ мощнаго аппарата, въ дѣлѣ созданія боеспособной арміи, ея преуспѣванія и выступленія въ походъ.

Фатальная для насъ Японская война породила весьма тяжкія послѣдствія для русской арміи и не было ничего удивительнаго, что начальство Приамурскаго военнаго округа съ опасеніемъ поглядывало на японскіе берега, ожидая съ этой стороны возможныхъ сюрпризовъ. Кромѣ усиленія крѣпости Владивостока, опасаясь вторже-

нія японской флотиліи, признавали, что примитивныя батареи у г. Николаевска, предназначенныя для защиты входа въ р. Амуръ, не отвѣчаютъ своему назначенію, поэтому проектировали созданіе сильной крѣпости на высотахъ морского берега, при сліяніи рѣки съ моремъ.

Когда я докладывалъ объ этомъ Государю, то Николай II спросилъ меня только, а что это будетъ стоить? Конечно много и много милліоновъ, которыхъ министръ финансовъ не дастъ и безъ того урѣзывая всѣ ассигнованія на усиленіе фронта на западной границѣ. И царь рѣшилъ тогда, что надо послать кого-нибудь ознакомиться съ тѣмъ, что за крѣпостныя сооруженія проектируются и «стоитъ ли овчинка выдѣлки?» Командированъ былъ тогда по этому дѣлу Генеральнаго Штаба квартирмейстеръ полковникъ Даниловъ. Результатъ его поѣздки въ Сибирь поразилъ своимъ заключеніемъ: строить надо и на сумму даже значительно больше испрашиваемой! Резолюція Государя была категорическая: «Военному министру разобраться на мѣстѣ лично», — царь инстиктивно почувствовалъ, что тутъ что-то не ладно, отъ угара, не прошедшаго послѣ пораженія нашего въ 1905 году.

Затѣмъ пришлось мнѣ совершить это путешествіе. На мѣстѣ же выяснилось, что проекты долговременныхъ фортификаціонныхъ сооруженій вызываютъ ничѣмъ не оправдываемые многомилліонные расходы. При скудныхъ и безъ

того кредитахъ военнаго вѣдомства, возведеніе на высокихъ морскихъ берегахъ долговременныхъ фортовъ, при частыхъ тамъ необыкновенно густыхъ туманахъ, теряло свой оборонительный смыслъ.

Этотъ своего рода миражъ мѣстнаго начальства, подъ вліяніемъ японскихъ успѣховъ въ 1904 году, не разсѣявшійся и командировкой Данилова, пришлось разсѣивать мнѣ лично.

Министръ финансовъ, урѣзывавшій кредиты военному вѣдомству по государственной оборонѣ, вообще, поощрительно относился лишь къ фортификаціоннымъ сооруженіямъ нашимъ на Дальнемъ Востокѣ. Къ совершенно несуразнымъ проектамъ такого инженера строителя, какъ генералъ Жигалковскій во Владивостокѣ, Владиміръ Николаевичъ Коковцовъ питалъ, по причинамъ, въ свое время извѣстнымъ въ петербургскомъ обществѣ, исключительныя симпатіи и охотно шелъ поэтому навстрѣчу и къ подобнымъ проектамъ, какъ долговременныя, дорого стоющія сооруженія въ Пріамурскомъ военномъ округѣ вообще.

Генералъ Даниловъ разобраться въ этомъ дѣлѣ не смогъ и не задумывался надъ тѣмъ, «гдѣ собака зарыта?» Онъ считался съ марсіальными, а не матримоніальными условіями Коковцова. Да и съ первыми опростоволосился, не разобравшись по существу чисто въ техническомъ отношеніи.

По части стратегіи на практикѣ, такъ называемый «черный Даниловъ», оказался и на войнѣ не на высотѣ своихъ обязанностей по службѣ Генеральнаго Штаба. Появившійся въ настоящее время въ печати трудъ генерала Ю. К. Данилова «Россія въ міровой войнѣ 1914—1915 г.г.», до извѣстной степени освѣщаетъ и картину нашего пораженія въ эту послѣднюю войну. Самъ авторъ въ предисловіи оговаривается, что это «не исторія, а воспоминанія», не претендующія на полноту. Тѣмъ не менѣе для меня, какъ одинъ изъ моихъ сотрудниковъ въ Главномъ Управленіи Генеральнаго Штаба, онъ даетъ нѣкоторыя данныя, освѣщающія стратегическую катастрофу, крушеніе мечтаній Великаго Князя Николая Николаевича, собиравшагося проявить свой собственный талантъ полководца.

Какъ Янушкевичъ, начальникъ штаба верховнаго главнокомандующаго, такъ и Даниловъ — генералъ квартирмейстеръ полевого штаба, не могли не знать, по плану сосредоточенія дѣйствующей арміи, на какомъ оперативномъ предположеніи оно базировалось. Понятно о наступленіи, подобно маршрутному расписанію Куропаткина передъ Японской войной, (съ заранѣе предусматриваемымъ плѣненіемъ Микадо), здѣсь и рѣчи быть не могло. Но сосредоточивая такую громадную массу войскъ, надо было считаться съ тѣми наиболѣе вѣроятными дѣйствіями, которыя могъ предпринять противникъ. А на сторонѣ послѣдняго было такое преимущество, какъ богатѣйшая сѣть желѣзныхъ дорогъ, по сравненію со слабо развитою нашею. При такихъ условіяхъ, для нашей союзницы Франціи, ожидавшей молніеноснаго удара превосходными силами, важно было возможно большее количество нѣмецкихъ силъ оттянуть на восточный фронтъ. Это и обсуждалось на ежегодныхъ совѣщаніяхъ начальниковъ генеральныхъ штабовъ, а потому, какъ генералу Янушкевичу, такъ и Данилову, было, конечно, хорошо извѣстно, что помощь Россіи ея союзницѣ обусловливалось энергичнымъ наступленіемъ нашимъ — непосредственно на Берлинъ.

Этой задачѣ отвѣчало бы болѣе всего согласованное дѣйствіе трехъ группъ нашего сосредоточенія, изъ которыхъ южной предстояло отбросить австрійцевъ за Карпаты и запереть затѣмъ проходы изъ нихъ, что обезпечивало лѣвый флангъ самой крупной центральной группы, наступающей по кратчайшему направленію на Берлинъ. Что же касается правой, сѣверной группы, то опасный для праваго фланга центра, восточнопрусскій плацдармъ, хорошо приведенный въ оборонительное положеніе, обезвреживался нашей правой группой.

Противъ такого опытнаго, серьезнаго противника, какъ германская армія и ея вожди, самымъ опаснымъ для насъ была разрозненная дѣятельность, что извѣстно было конечно въ Ставкѣ и

всецѣло ложилось на отвѣтственность Верховнаго Главнокомандующаго. А Его Императорское Высочество, Великій Князь Николай Николаевичъ «разсудку вопреки, на перекоръ стихіямъ», не только ни единымъ словомъ не обмолвился по этому поводу, когда я былъ у него по случаю его назначенія, но допустилъ подобныя разрозненныя операціи, которыя и привели къ пораженію нашихъ армій по частямъ. «Да воздастся же каждому по дѣламъ его!»

Изъ того, что говоритъ въ своей книгѣ, генералъ Даниловъ, для меня теперь ясно, что у нашего Верховнаго Главнокомандующаго, при болѣзненномъ высокомѣріи и самолюбіи, отсутствовало полководческое дарованіе и рыцарская порядочность. Даниловъ заявляетъ теперь, что Россія не была готова къ войнѣ; а въ 1914 году самъ признавалъ русскую армію уже вполнѣ боеспособною, хотя и не такою еще могущественною, какою она могла бы оказаться къ 1916 г., при осуществленіи большой программы.

Если не особенно авторитетно, то во всякомъ случаѣ довольно развязно заявляетъ онъ при этомъ, что я и начальникъ генеральнаго штаба генералъ Янушкевичъ, имѣли оба довольно смутное представленіе о положеніи военнаго дѣла въ Россіи, дѣйствовали безъ всякой увѣренности и были вынуждены полагаться на своихъ сотрудниковъ, изъ коихъ вѣдь онъ же самъ былъ одинъ изъ спеціалистовъ въ области стра-

тегіи, по своей должности. И хорошъ бы я былъ, если бы положился на его компетентное мнѣніе по дѣламъ обороны на Дальнемъ Востокѣ . . .

Что касается Янушкевича, то онъ конечно былъ болѣе компетентнымъ профессоромъ Военной Администраціи, нежели Стратегіи. Поэтому, если уже затрагивать вопросъ о «сотрудникахъ», и то, что приходилось яко бы полагаться на нихъ. Хорошъ бы я былъ, повѣривъ Данилову и согласившись на крѣпостныя постройки въ Пріамурскомъ Округѣ, затратилъ бы уйму денегъ, а русскія войска оказались бы на западномъ фронтѣ и безъ боевого снаряженія, и безъ брюкъ.

Поэтому, если допустить, что въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго, на войнѣ, считались по Стратегіи съ мнѣніемъ того же сотрудника генерала Данилова, нѣтъ ничего удивительнаго, что его совѣты могли, конечно, привести къ тому катастрофическому положенію, которое, какъ извѣстно, окончилось разбитіемъ нашей дѣйствующей арміи по частямъ.

Какъ генералъ квартирмейстеръ Штаба Верховнаго Главнокомандующаго — генералъ Даниловъ былъ, понятно, освѣдомленъ о положеніи дѣлъ на всѣхъ нашихъ фронтахъ театра войны лучше, чѣмъ кто - либо другой, такимъ образомъ показанія этого участника войны въ этомъ отношеніи весьма интересны. Генералъ Даниловъ утверждаетъ, что командующіе нашими арміями

на фронтѣ пользовались широкою самостоятельностью; что Ставка никогда не вмѣшивалась въ ихъ распоряженія, ограничиваясь лишь заданіями общаго характера, которыя однако не всегда выполнялись. Большой интересъ, вслѣдствіе такого заявленія, представляетъ то, что разсказываетъ генералъ Даниловъ о томъ, какъ наши частныя арміи несли пораженія по очереди.

Въ Восточной Пруссіи у первой арміи Ренненкампфа, сразу же оказалась кровавая неудача на самой границѣ, но онъ скрылъ (?) ее даже отъ Ставки, пославъ совершенно невѣрное донесеніе... Нѣчто совершенно невѣроятное! Оправдалась, такимъ образомъ, та неблагопріятная аттестація этому генералу, которую я далъ о немъ Государю, когда Его Величество, по протекціи Князя Бѣлосельскаго-Бѣлозерскаго, рѣшилъ назначить Ренненкампфа командующимъ войсками Виленскаго военнаго округа.

Затѣмъ въ Восточной Пруссіи онъ дѣйствовалъ чисто автоматически (?) по выраженію Данилова, мало соображаясь съ обстоятельствами и еще менѣе считаясь съ необходимостью поддерживать непрерывный контактъ съ арміей генерала Самсонова, вторгшагося въ Мазурскія болота. Съ другой стороны и Самсоновъ отклонился отъ намѣченнаго для него направленія на западъ и этимъ усилилъ свою изоляцію. Тѣмъ не менѣе по донесеніямъ онъ считалъ себя уже побѣдителемъ. Но когда, благодаря бездѣйствію Ренненкампфа, удался задуманный Гинденбургомъ и Людендорфомъ прорывъ въ мѣстѣ намѣченнаго стыка, а на самомъ дѣлѣ разъединенія двухъ русскихъ армій, то Самсоновъ оказался со своей арміей совершенно безпомощнымъ.

Даниловъ правильно не рѣшается винить въ этомъ одного Самсонова. Изъ того, что мнѣ стало извѣстнымъ, заслуживаютъ вниманія два обстоятельства: 1) сбиваемый сообщеніями изъ Ставки, переходя въ наступленіе Самсоновъ снялъ телеграфное и телефонное сообщеніе со Ставкою; и 2) начальникъ полевого штаба генералъ Янушкевичъ самолично остановилъ выгрузку изъ поѣздовъ войскъ, направлявшихся въ образовавшійся прорывъ между арміями Самсонова и Ренненкампфа, направивъ ихъ въ Варшаву.

А если это вѣрно, то жаль что Даниловъ умолчалъ объ этомъ и не далъ своего компетентнаго разъясненія.

На юго-западномъ фронтѣ командовалъ генералъ Николай Іудовичъ Ивановъ. О немъ Даниловъ говоритъ, что это былъ крайне скрытый и молчаливый человѣкъ, отъ котораго добиться какихъ-либо объясненій его намѣреній было мудрено (?!). Достигши зенита своихъ успѣховъ въ Галиціи, но оказавшись вмѣстѣ съ тѣмъ подъ угрозой отвѣтнаго удара непріятеля, генералъ

Ивановъ рѣшилъ (?), что необходимо предпринять вторженіе въ Венгрію!

Во время моего процесса на судѣ въ Петербургѣ, генералъ Янушкевичъ заявилъ, что генералъ Ивановъ по своей инціативѣ двинулъ наши войска въ Карпаты! Это зимой, безъ надлежащихъ хорошо оборудованныхъ путей сообщеній въ тылу?!

Въ своихъ воспоминаніяхъ генералъ Даниловъ заявляетъ, что Ставка была противъ этого плана, который съ военной точки зрѣнія представлялся очень труднымъ, рискованнымъ и неблагодарнымъ. Но за него, будто бы, говорили политическія соображенія, надежды на полный разгромъ Австріи, на возможность дѣйствовать совмѣстно съ вступившими въ то время въ войну итальянцами и т. п. вздоръ, приведшій къ тому, что планъ генерала Иванова, хотя и съ неохотой (?), былъ въ концѣ концовъ принятъ...

Одного этого эпизода достаточно, чтобы притти къ заключенію, что выраженіе М. И. Драгомирова о томъ, что «рыба съ головы воняетъ», вполнѣ отвѣчаетъ тому, что имѣло мѣсто у насъ на западномъ фронтѣ дѣйствующей арміи.

По мнѣнію Данилова, въ концѣ концовъ, не самсоновская катастрофа и не крушеніе галиційскаго похода были основными причинами русскихъ неудачъ. Русскія войска терпѣли пораженія, по его словамъ, прежде всего изъ-за военной неготовности Россіи, которая сказалась во

всемъ и съ тѣмъ большею безпомощностью, чѣмъ дольше затягивалась война: не было пуль (?), ни снарядовъ, не было ни пушекъ, ни винтовокъ...

Эти заключенія Данилова, скорѣе можно объяснить стремленіемъ Ставки выискать виновниковъ неудачъ, пріискать «козла отпущенія», чѣмъ дѣйствительностью. Стоитъ только просмотрѣть то, что пишутъ по этому поводу наши противники — бывшіе, удивляющіеся тому обильному снабженію русской арміи, которое попало имъ въ руки послѣ нашихъ отступленій.

Съ пополненіемъ боевыхъ снарядовъ дѣйствующей арміи намъ было очень трудно. Съ одной стороны недостатокъ заводовъ въ странѣ, которые могли бы изготовлять ихъ съ избыткомъ, а съ другой—непохвальные порядки Главнаго Артиллерійскаго Управленія, которое за спиной Великаго Князя Сергѣя Михайловича, подъ его вмѣстѣ съ тѣмъ покровительствомъ, не относилось къ дѣлу съ надлежащей энергіей и добросовѣстностью.

Слѣдующій эпизодъ можетъ служить тому иллюстраціей. По телефону министръ двора графъ Фредериксъ проситъ меня принять его начальника канцеляріи генерала Мосолова, по весьма важному дѣлу. Оно было дѣйствительно изъ ряда выходящимъ, ибо касалось вопроса, по поводу котораго Ставка Верховнаго Главнокомандующаго, что называется, била въ набатъ: «Снарядовъ, снарядовъ, снарядовъ...», а Главное Ар-

тиллерійское Управленіе тормозило дѣло. Американцы готовы были немедленно снабдить насъ боевыми припасами ,но не могли добиться никакого результата относительно заказа.

Изъ сообщеній же генерала Мосолова не трудно было догадаться, что фирма Морганъ и К°. не можетъ дождаться рѣшенія этого столь спѣшнаго дѣла, о которомъ въ Ставкѣ Великаго Князя Николая Николаевича было доложено Государю въ редакціи весьма неблагопріятной для военнаго министра.

По порученію министра двора, начальникъ канцеляріи послѣдняго, просилъ меня по этому дѣлу принять уполномоченнаго американскаго завода Думбадзе, который можетъ мнѣ подтвердить и выяснить всѣ подробности тормоза.

На слѣдующій же день Думбадзе предъявилъ мнѣ свои полномочія и доложилъ о той канцелярской волокитѣ, за кулисами которой несомнѣнно скрывались просто вымогательства прикосновенныхъ къ канцелярской процедурѣ лицъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія.

Я не сомнѣвался, что порядочный во всѣхъ отношеніяхъ начальникъ Главнаго Артиллерійскаго Управленія генералъ Кузьминъ - Караваевъ, подъ опекою Великаго Князя Сергѣя Михайловича, съ алчной компаніей своихъ сотрудниковъ справиться былъ не въ силахъ. Собравъ поэтому немедленно всѣхъ причастныхъ къ этому дѣлу лицъ, до послѣдняго канцелярскаго чина включительно, у себя въ кабинетѣ, я потребовалъ подробнаго доклада и учинилъ разборку, которую всѣ они навѣрное и сейчасъ помнятъ, если кто изъ нихъ остался еще въ живыхъ. А дѣло доставки снарядовъ было сдвинуто со стапелей и боевые припасы вскорѣ, черезъ Владивостокъ, стали прибывать въ армію исправно.

Изъ воспоминаній Данилова теперь ясно одно, это то, что если Самсоновъ и Ренненкампфъ задумали самостоятельно, врозь другъ отъ друга, прогулки въ Восточную Пруссію, безъ надлежащихъ директивъ, не сговорившись даже объ образѣ дѣйствій, установкѣ связи, то и подверглись пораженію по частямъ.

Затѣмъ теперь нѣтъ уже никакого сомнѣнія, что злополучный, безсмысленый походъ за Карпаты, состоялся съ соизволенія Ставки Верховнаго Главнокомандующаго, о чемъ можно было догадываться и по показаніямъ на судѣ самаго генерала Иванова, хотя генералъ Янушкевичъ и заявлялъ, что генералъ Ивановъ по собственной иниціативѣ двинулся въ Карпаты.

Съ появленіемъ воспоминаній генерала Данилова, одного изъ ближайшихъ сотрудниковъ по стратегической части въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича и его начальника полевого штаба генерала Янушкевича, вполнѣ подтверждается тотъ выводъ, который уже напрашивался по со-

общеніямъ различныхъ участниковъ этого несчастнаго для Россіи похода.

Правильно гласитъ народная мудрость, что «и слѣпая лошадь везетъ, коли зрячій на возу сидитъ». Нѣтъ ничего мудренаго поэтому, что «незрячій главковерхъ» этотъ возъ угодилъ въ оврагъ.

Чтобы не дѣлить ни съ кѣмъ предстоявшіе побѣдные лавры, Великій Князь Николай Николаевичъ отстранилъ меня совершенно отъ какого-либо малѣйшаго участія въ его стратегическихъ экспериментахъ. Единственный разъ только, въ поѣздѣ, когда мы возвращались изъ Ставки въ Петербургъ, передъ движеніемъ арміи генерала Иванова въ Карпаты, Государь почему-то подѣлился со мною этимъ безумнымъ рѣшеніемъ. А теперь у меня нѣтъ сомнѣнія, что самъ Великій Князь Николай Николаевичъ придумалъ эту стратегическую несообразность, какъ это можно было догадываться и раньше по тѣмъ смутнымъ показаніямъ, которыя давалъ самъ генералъ Ивановъ, расходясь съ показаніями генерала Янушкевича.

Обычная мѣщанская повадка, кичиться мудростью якобы лично своей головы, а при неблагопріятномъ исходѣ дѣла, сваливать на чью-либо чужую, оказалась присущею и дядѣ Государя — Николаю Николаевичу.

Шпіономанія, паника измѣнъ и при поискахъ причинъ неудачъ внѣ самой Ставки, приводили къ такимъ изъ ряда выходящимъ, безобразно глупымъ рѣшеніямъ, какъ, напр., очищеніе тылового раіона дѣйствующей арміи отъ еврейскаго населенія.

Въ воспоминаніяхъ Кіевской студентки 1919 до 1920 г.г. «Архива русской революціи У. В. Гессена» т. XV, стр. 243, заслуживаютъ вниманія слѣдующія строки:

«Я еще въ Кіевѣ замѣтила, что бѣженцы дали очень много сторонниковъ большевизма. Это понятно. Они уже давно лишились всего, ихъ оторвали отъ родины, обращались съ ними, какъ со скотомъ. Если-бы Николай Николаевичъ зналъ, что онъ своими приказами о выселеніи евреевъ изъ Царства Польскаго по переселеніи польскихъ и литовскихъ крестьянъ увеличилъ кадры коммунистовъ!» —

Эта идіотская эвакуація милліоновъ людей, одновременно съ усиленнымъ движеніемъ запасовъ съ базы на фронтъ арміи и увозомъ изъ послѣдней раненыхъ и больныхъ, привела къ такому сумбуру въ тылу, что одновременно при жалобахъ о недостаткѣ артиллерійскаго снабженія, поѣзда со снарядами очутились забитыми на запасныхъ путяхъ между Кавказомъ и Дономъ.

Въ настоящее время появились въ московской печати «Мемуары А. А. Поливанова, подъ редак-

ціей А. М. Зайончковскаго, съ предисловіемъ Мих. Павловича». Мемуары эти заслуживаютъ вниманія по тому положенію, которое Поливановъ занималъ въ царствованіе Императора Николая II, а затѣмъ у большевиковъ. Службу «и нашимъ и вашимъ», какъ это ему удавалось нести при царскомъ режимѣ, для Поливанова оказалось дѣломъ не такимъ легкимъ у большевиковъ и вызванный послѣдними въ Ригу, на съѣздъ по пограничному вопросу съ Польшей, онъ предпочелъ застрѣлиться въ этомъ городѣ и похороненъ съ почетомъ въ красномъ гробу.

Во всей натурѣ этого человѣка было что-то несимпатичное, помѣсь чванства, эгоизма, надмѣнности и фальши, съ наружнымъ обликомъ любезнаго, доброжелательнаго, но знающаго себѣ цѣну сановника. Симпатіей въ широкихъ кругахъ сослуживцевъ и подчиненныхъ онъ не пользовался, немногочисленные же друзья его были Коковцовско-Гучковскаго фасона. Получилъ я Поливанова по наслѣдству и остался онъ помощникомъ военнаго министра только потому, что Государю моему угодно было указать, чтобы я «не разгонялъ личнаго состава», оставшагося послѣ Редигера.

Поливановъ въ своихъ «мемуарахъ» упоминаетъ о томъ, что будто бы по моему настоянію его смѣстили. Въ предисловіи къ «мемуарамъ» редакторъ говоритъ: «первоначальныя, очень хорошія съ Сухомлиновымъ отношенія постепенно

обострялись и не безъ его вліянія Поливановъ въ 1912 г. былъ отчисленъ отъ должности помощника военнаго министра». Въ дѣйствительности же онъ былъ отчисленъ именно «безъ» моего «вліянія», совершенно неожиданно, какъ я это въ моихъ «Воспоминаніяхъ» и привелъ. Въ данномъ случаѣ Поливановъ своему отчисленію обязанъ именно В. Н. Коковцову ,который поѣхалъ въ Ливадію съ докладомъ о моемъ увольненіи, а Государь на этотъ разъ выказалъ самостоятельность: не сказавъ ни да, ни нѣтъ, Николай II удивилъ меня, послѣ Коковцовскаго доклада, своимъ вопросомъ, дорожу ли я Поливановымъ? Я откровенно доложилъ тогда, что это не мой былъ выборъ, а что я его оставилъ лишь вслѣдствіе заявленія Его Величества, чтобы я съ принятіемъ должности «не разгонялъ стараго личнаго состава». Когда же рѣчь зашла о замѣстителѣ Поливанова, то я просилъ съ этимъ обождать, такъ какъ не предвидѣлъ этой перемѣны и кандидата у меня поэтому сейчасъ нѣтъ. Государь же пожелалъ рѣшить вопросъ безотлагательно и взявъ «книжку генераловъ» самъ указалъ мнѣ на старшаго изъ нихъ Вернандера, которымъ и рѣшено было замѣстить Поливанова.

Въ своемъ дневникѣ 9 ноября 1910 г. Поливановъ фантазируетъ, сочиняетъ, будто бы: «Въ разговорѣ съ военнымъ министромъ былъ затронутъ еще вопросъ о вызовѣ командующихъ войсками военныхъ (?) округовъ для провѣр-

ки ихъ подготовки къ управленію арміями. Здѣсь неизбѣжно возникла необходимость установить, кто же будетъ командовать всѣми арміями. На докладѣ Государю Его Величество изволилъ указать, что верховное командованіе онъ беретъ на себя. Но такъ какъ нельзя же было привлечь Его Величество къ занятіямъ военной игрой, то полагалось на военной игрѣ имѣть въ роли Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича».

Сплошное измышленіе Поливанова, которое можетъ служить показателемъ, до какой степени авторъ нестроевой человѣкъ, некомпетентный въ дѣлѣ, о которомъ рискнулъ съ апломбомъ высказаться, но далъ лишь доказательство полнѣйшей своей неосвѣдомленности. 9-го же декабря затѣмъ онъ занесъ въ дневникъ: «Государь повелѣлъ отложить военную игру съ командующими войсками до будущаго года (по мнѣнію военнаго министра, вѣроятно по докладу Великаго Князя Николая Николаевича)».

На самомъ дѣлѣ Великій Князь испугался «экзамена», ибо долженъ былъ на игрѣ командовать одной изъ армій. Онъ и испросилъ Государя отмѣнить занятія всего лишь за нѣсколько часовъ до начала ихъ. Было рѣшено, что Царь совмѣстно съ военнымъ министромъ, возметъ на себя роль посредника и будетъ давать директивы командующимъ арміями русской стороны, а противной австро-германской стороной долженъ

былъ руководить начальникъ Генеральнаго Штаба со своими чинами главнаго управленія Генеральнаго Штаба. Командующимъ арміями предстояло, совмѣстно со своими начальниками штабовъ, по директивамъ Верховнаго Главнокомандующаго, отдавать всѣ соотвѣтствующія распоряженія по войскамъ ихъ армій.

Въ этомъ и заключалась поучительность занятій, въ которыхъ Государь долженъ былъ имѣть возможность оцѣнить способности и свойства характера командующихъ арміями. Съ Поливановымъ объ этихъ занятіяхъ 9-го ноября у меня никакого обмѣна мыслей не было и быть не могло: для меня онъ былъ по существу нестроевой человѣкъ, не компетентный въ этомъ дѣлѣ, о чемъ свидѣтельствуютъ его собственныя слова: «здѣсь незбѣжно возникала необходимость установить, кто же будетъ командовать всѣми арміями?» Подобный вопросъ у него и возникнуть бы не могъ, если бы онъ знакомъ былъ съ техникой этого дѣла.

Отъ Государя я получилъ увѣдомленіе объ отмѣнѣ занятій всего лишь за часъ до начала ихъ, когда все было уже готово и ждали только пріѣзда Государя. Кромѣ того, если бы 9-го ноября былъ дѣйствительно тотъ «разговоръ съ военнымъ министромъ», о которомъ говоритъ Поливановъ, то Николай Николаевичъ, конечно, не затягивалъ бы дѣла на цѣлый мѣсяцъ, для того, чтобы 9-го декабря, раннимъ утромъ мчаться на

автомобилѣ въ Царское Село и «колѣнопреклонно» умолять Царя не дѣлать ему экзамена.

А отъ министра двора я узналъ, что Государь, по мѣрѣ своихъ слабыхъ силъ, упорствовалъ и собирался ѣхать на военную игру, но сдался на капитуляцію передъ грознымъ дядей!..

Въ записи отъ 27 апрѣля 1912 г. Поливановъ, о своемъ увольненіи отъ должности помощника военнаго министра, умолчалъ о томъ, какъ это случилось въ дѣйствительности. А именно: Коковцовъ докладывалъ Царю о необходимости назначенія военнымъ министромъ вмѣсто меня Поливанова, а добрѣйшій Царь, возмутившись даже этимъ докладомъ призналъ за благо уволить самого Поливанова и предложилъ мнѣ замѣстить его генераломъ Вернандеромъ.

На этомъ собственно кончается поливановскій «дневникъ» и затѣмъ слѣдуютъ «Девять мѣсяцевъ во главѣ военнаго министерства (съ 13 іюня 1915 г.— 13 марта 1916 г.)».

Для возсозданія боеспособности арміи, разгромленной, съ одной стороны благодаря бездаланному великокняжескому командованію, а съ другой энергичными и осмысленными операціями враговъ, «девять мѣсяцевъ» срокъ нормальный совсѣмъ въ другой области, для Поливанова былъ, конечно, не достаточный, дабы хоть что - нибудь сдѣлать. Онъ ничего и не сдѣлалъ, а выяснилось лишь, что девять мѣсяцевъ морочилъ только Царя и публику, начавъ съ того, что

такихъ сотрудниковъ, какъ Гучковъ, Родзянко и К°. онъ пристроилъ къ дойной коровѣ, носившей названіе «снабженіе арміи» и доить которую было не мало охотниковъ. А въ подхалюзной печати, чуть ли ни на другой день послѣ назначенія Поливанова, появились заявленія, что стоило только его посадить на мое мѣсто, какъ все въ арміи пошло блестяще, во всемъ избытокъ, розовыя надежды...

Черезъ 9 мѣсяцевъ однако, когда Поливановскіе роды завершились неблагополучнымъ исходомъ, его вынуждены были убрать. Но «Курилка оказался живъ» и очутился впослѣдствіи на службѣ у большевиковъ.

Императрица Александра Федоровна была права въ своемъ письмѣ Государю о Поливановѣ: «Прости меня, мой другъ, но мнѣ не нравится назначеніе новаго военнаго министра; развѣ ты не помнишь, какъ ты былъ противъ него? Ему нельзя довѣриться».

АВГУСТѢЙШІЕ - ПЛЕМЯННИКЪ И ДЯДЯ.

Фатальное сочетаніе такихъ натуръ, какъ два Николая, дядя и племянникъ, оказалось гибельнымъ для злополучнаго русскаго государства. Добрый, разумный, но слабой воли Царь, сознавашій свою неподготовленность къ управленію такою обширною державою, какъ Россія, остерегался вліянія окружающихъ престолъ сановниковъ, но не избѣгъ пагубнаго закулиснаго наушничества своего дяди, который собственно и былъ главнымъ виновникомъ крушенія престола дома Романовыхъ и гибели Россіи. Что касается интеллекта, то дядя былъ несравненно ниже племянника, разума ему Господь Богъ далъ лишь столько, чтобы ухитряться скрывать убожество своего ума.

Воспитателемъ у Николая Николаевича въ молодости былъ генералъ Скалонъ, гвардейскій саперъ, своего рода системою нравственныхъ траншей боровшійся съ экспансивными свойствами юнаго еще Великаго Князя, проявлявшаго уже

тогда далеко не похвальные порывы своего характера. По долгу лежавшей на немъ обязанности, Скалонъ считалъ своею обязанностью всѣми силами бороться съ проявляемыми, порученнымъ ему воспитанникомъ, дурными наклонностями. Тяжелое, отвратительное впечатлѣніе производило безсердечіе, какая - то злобность, звѣрство юнаго Великаго Князя, что особенно рельефно выступало съ мягкостью, добродушіемъ и порядочностью его брата Петра Николаевича, видимо не одобрявшаго фасона, такъ называемаго Николая Николаевича «младшаго».

Петра Николаевича претили безсердечныя наклонности его старшаго брата и при всей своей сдержанности, скромности, онъ не могъ иногда даже этого скрыть. Лично мнѣ пришлось убѣдиться въ этомъ во время одного изъ уроковъ Петру Николаевичу, когда въ сосѣдней съ нами залѣ раздались однажды, точно выстрѣлы изъ пистолета, щелканіе арапника, съ которымъ Николай Николаевичъ гулялъ по обширнымъ помѣщеніямъ дворца.

Камердинеръ Великаго Князя съ возмущеніемъ передавалъ мнѣ, послѣ такой прогулки Его Высочества, о томъ, какую жестокую игру придумалъ Великій Князь для уничтоженія приплода одной изъ собакъ: щенкамъ наносили удары палкой по головѣ, изощряясь при этомъ выбить изъ орбитъ оба глаза одновременно.

На учиняемыхъ имъ подъ вліяніемъ спиртныхъ паровъ парфорсныхъ охотахъ на Знаменкѣ, въ окрестностяхъ Петергофа, этотъ арапникъ испытывали на своей спинѣ и старые егеря, жившіе въ ближайшихъ отъ дворца окрестностяхъ, по огородамъ которыхъ носился этотъ свирѣпый человѣкъ, разрушая ихъ полевые труды и давя скотъ. Онъ очевидно опоздалъ родиться и времена «опричнины» были бы ему болѣе подходящи. Въ царствованіе же такого добрѣйшаго и скромнаго Царя какъ Николай II, это была какая - то аномалія, которую не только терпѣлъ скромный Царь, но который временами оказывался самъ подъ пагубнымъ вліяніемъ безсердечнаго, зловреднаго дяди своего.

За время царствованія такого сильной воли монарха, какъ Александръ III, нашъ «Николаша» былъ «тише воды и ниже травы», какъ это бываетъ иногда у свирѣпыхъ людей, когда надъ ними виситъ кулакъ посильнѣе ихъ собственнаго.

Въ лицѣ Николая II этой острастки для Великаго Князя Николая Николаевича не имѣлось и приспособившись за кулисы, онъ орудовалъ и вліялъ такъ пагубно на бѣднаго Государя, что систематично топилъ его, не неся за это никакой отвѣтствѣнности.

Но «шила въ мѣшкѣ не утаишь» и рано или поздно оно проявится. Такъ и сейчасъ уже преступная дѣятельность Великаго Князя Николая

Николаевича выясняется. Обнаруживаются потайные его продѣлки и махинаціи, погубившія, въ концѣ концовъ Николая II. Покинувъ Царя въ такія минуты, когда онъ по присягѣ и по совѣсти обязанъ былъ прійти на помощь своему вѣнценосному племяннику, этотъ жидкій на расправу въ критическія минуты бывшій Верховный Главнокомандующій, стоявшій тогда во главѣ Кавказской арміи, не пошелъ на выручку Государя, предпочелъ преклониться передъ бунтовщиками, узурпаторами власти, а когда тѣ его услугами воспользоваться не пожелали, то призналъ за благо попросту бѣжать за границу.

Верховнымъ Главнокомандующимъ онъ былъ слабымъ; не безъ основанія убоялся «экзамена», какъ онъ назвалъ «военную игру», за два года до войны и эгоистично подвелъ тогда Государя, а на театрѣ военныхъ дѣйствій оказался несостоятельнымъ полководцемъ, причемъ свои промахи не честно старался затѣмъ свалить на чужія головы.

Великій Князь Николай Николаевичъ съ молодости спеціализировался по части конницы и командовалъ затѣмъ л. - гв. гусарскимъ Его Величества полкомъ. До этого же онъ прошелъ курсъ Военной Академіи, что на его высшемъ военномъ образованіи отразилось очень мало, чтобы не сказать, прошло для него безъ плодотворныхъ результатовъ. Спеціализировался же онъ преимущественно на кавалерійскомъ дѣлѣ

и на этомъ поприщѣ дѣятельность его оказалась плодотворной. Обойти молчаніемъ работу Великаго Князя Николая Николаевича младшаго, на этомъ поприще было бы несправедливо: сдѣлалъ онъ много, твердою рукою и подъ его эгидою русская конница проснулась отъ спячки, перешла къ развитію активной дѣятельности, отъ прозябанія въ манежѣ выведена въ поле, отъ рутинного лозунга: «худая лошадь околѣетъ, пока сытая похудѣетъ» и слѣдовъ не осталось послѣ введеннаго имъ новаго «наставленія для веденія занятій въ кавалеріи». Въ лагерномъ сборѣ подъ Чугуевомъ, близь Харькова, Великій Князь дѣлалъ смотръ 10-й кавалерійской дивизіи. Когда послѣ первыхъ построеній на оживленныхъ аллюрахъ, лошади стали задыхаться и покрылись обильнымъ потомъ, такъ называемымъ «мыломъ», Николай Николаевичъ прогналъ полки съ поля смотра и отнялъ дивизію у начальника ея генерала Ребиндера, а затѣмъ она досталась мнѣ. Когда я являлся Великому Князю генералъ-инспектору кавалеріи, то Его Высочество сказалъ, что раньше какъ черезъ годъ онъ не можетъ смотрѣть 10 кавалерійскую дивизію, ибо это не современная конница и на приведеніе ея въ надлежащій видъ нужно время, а послѣ того онъ сдѣлаетъ смотръ «по конному, а не по пѣше - конному . . . »

Таковой затѣмъ и состоялся и сошелъ благополучно, причемъ присутствовалъ на этомъ смотру

мой командующій войсками генералъ Драгомировъ. На быстрыхъ аллюрахъ, горячее ученіе, атаки на длинныхъ разстояніяхъ вызвали со стороны М. И.Драгомирова, послѣ того, сомнѣніе — не есть ли это уже порча матеріала, расходованіе котораго должно имѣть мѣсто лишь въ военное время, а не въ жизни и подготовкѣ къ нему въ условіяхъ мирнаго воспитанія войскъ.

И мой командующій войсками имѣлъ основаніе задать такой вопросъ, ибо конскій матеріалъ на первыхъ порахъ примѣненія новаго «наставленія» слишкомъ прямолинейно, безъ послѣдовательнаго, осторожнаго перехода къ болѣе современному обученію конницы по указаніямъ Великаго Князя Николая Николаевича, въ нѣкоторыхъ частяхъ дѣйствительно пострадалъ. Но это уже не была вина новаго генералъ - инспектора кавалеріи, а не по разуму усердіе ближайшаго командного состава.

По должности начальника офицерской кавалерійской школы, я былъ подчиненъ генералъ - инспектору кавалеріи, каковымъ былъ сперва Великій Князь Николай Николаевичъ старшій. Объ этомъ обстоятельномъ начальникѣ сохранилась у меня самая свѣтлая память, мы всѣ его обожали и кончина Великаго Князя для офицерской кавалерійской школы была особенно чувствительна и тягостна, такъ какъ сперва насъ подчинили непосредственно военному министру, генералъ - адъютанту Ванновскому, а затѣмъ ново-

му генералъ - инспектору кавалеріи Великому Князю Николаю Николаевичу младшему.

Генералъ - адъютантъ Ванновскій былъ начальникомъ для насъ строгимъ, но доброжелательнымъ и офицерская кавалерійская школа, за время его подчиненія была обставлена и приведена вообще во всѣхъ отношеніяхъ въ блестящее состояніе.

Но какъ громомъ поразило меня затѣмъ подчиненіе школы новому инспектору кавалеріи Великому Князю Николаю Николаевичу младшему, относившемуся явно къ офицерской кавалерійской школѣ враждебно. Я, понятно, собирался укладывать свои чемоданы, такъ какъ понималъ, что ожидать ничего хорошаго отъ нашей совмѣстной съ нимъ службы не приходится. Тѣмъ не менѣе нѣкоторое время я еще оставался въ той же должности и при открывшейся вакансіи 10-й кавалерійской дивизіи назначенъ былъ начальникомъ ея въ Кіевскій военный округъ, причемъ я очутился подъ командой, дружелюбно относившемуся ко мнѣ, генерала Драгомирова.

Отношенія мои съ Великимъ Княземъ Николамъ Николаевичемъ были всегда весьма холодныя, инстиктивно я не выносилъ его черстваго, злобнаго, безчеловѣчнаго отношенія ко всему его окружавшему. А когда его матушка, Великая Княгиня Александра Петровна, по болѣзни поселилась въ Кіевѣ, гдѣ стала во главѣ лазарета въ Покровскомъ монастырѣ, я какъ командующій

тогда уже войсками Кіевскаго военнаго округа, навѣщалъ ее, конечно.

Великій Князь Петръ Николаевичъ относился къ ней трогательно сердечно и ласково, что она очень цѣнила и высказывая это мнѣ, присоединяла:

«А Николаша совсѣмъ другой, черствый и не добрый . . . »

Когда докторъ Соломка, послѣ сдѣланной Великой Княгинѣ операціи, заявилъ, что дни ея сочтены, дано было знать объ этомъ ея сыновьямъ.

Петръ Николаевичъ немедленно пріѣхалъ и своею любовью и ласковымъ обращеніемъ по отношенію къ больной, умирающей матери, всѣми силами старался облегчить, хотя нравственно послѣднія минуты ея жизни.

Пріѣхалъ и Николай Николаевичъ младшій, а Великой Княгинѣ стало временно легче и Его Императорскому Высочеству надоѣло ждать похоронного обряда! Докторъ Соломко съ возмущеніемъ передавалъ мнѣ, что Великій Князь Николай Николаевичъ со злобой спросилъ его:

«Когда же у васъ, наконецъ, все это кончится?»

Съ такимъ Великимъ Княземъ, человѣкомъ въ высшей степени не симпатичнаго характера, отношенія наши установились очень сдержанныя, мы очевидно другъ другу не симпатизировали.

Насколько обоятеленъ былъ для меня Великій Князь Николай Николаевичъ старшій, настолько противенъ былъ его сынъ, Николай Николае-

вичъ младшій, хотя фактическихъ основаній къ сотому на лицо тогда еще не было. До 1905 года наши встрѣчи съ нимъ были мимолетны, ничто насъ другъ къ другу не влекло, а долговязый обликъ, вся натура «младшаго» и манера его обращенія съ простыми смертными, отличалась крайнею несимпатичностью.

Когда послѣ Японской войны въ 1905 г. вооруженныя наши силы очутились въ состояніи полнаго разложенія, позорный крахъ всѣмъ сталъ ясенъ. Николая II, какъ русскаго верховнаго вождя, несомнѣнно озабочивало такое положеніе, а какъ изъ него выйти самъ онъ не зналъ, помощь же ему въ этомъ отношеніи взялся оказать его дядя Великій Князь Николай Николаевичъ. Составленный имъ съ этою цѣлью проектъ, какъ я уже упомянулъ, въ основаніи своемъ былъ неудовлетворителенъ, ибо дифференцировалъ военное вѣдомство полностью, не отвѣчая въ силу этого ни характеру, ни способностямъ, ни опыту такого юнаго Государя, какимъ очутился Николай II. Какъ разъ въ это время мнѣ пришлось пріѣхать въ Петербургъ по дѣламъ Кіевскаго военнаго округа, въ которомъ я былъ въ то время командующимъ войсками. Когда я представлялся Государю, онъ пожелалъ знать мое мнѣніе объ этомъ проектѣ. Ознакомившись съ проектомъ Великаго Князя, я счелъ долгомъ совершенно откровенно высказаться противъ этого предложенія, которое по моему не только не могло улучшить дѣло, а внѣ всякого сомнѣнія привело бы къ гибельному краху. Царь со мной тогда согласился, казалось, что онъ призналъ правильность русской народной мудрости, что «у семи нянекъ дитя бываетъ безъ глаза», но великокняжеское самолюбіе взяло верхъ и послѣ моего отъѣзда изъ Петербурга въ Кіевъ, Его Императорское Высочество — дядя съумѣлъ настоять на осуществленіи своего проекта. Въ военномъ вѣдомствѣ, послѣ того, вмѣсто порядка создался такой хаосъ, который способствовалъ лишь дальнѣйшему развалу русской арміи, о чемъ черезъ четыре года всѣ командующіе войсками въ округахъ единодушно и донесли Государю Императору. Это повело уже къ началу самаго свирѣпаго, безпощаднаго гнѣва Великаго Князя Николая Николаевича, который онъ проявлялъ всюду и во всемъ по отношенію личю ко мнѣ, но преимущественно тайно, за кулисами.

Какъ предсѣдатель изобрѣтеннаго имъ же самимъ Совѣта Государственной Обороны, дѣятельность послѣдняго онъ направлялъ такъ преступно безтолково, что сидѣвшій, однажды, рядомъ со мною въ одномъ изъ засѣданій этого совѣта предсѣдатель совѣта министровъ Столыпинъ сказалъ мнѣ: «Да вѣдь это же настоящій бэдламъ!» Что тамъ происходило, это дѣйствительно похоже было на сумасшедшій домъ.

Достаточно было одного подобнаго засѣданія, чтобы убѣдиться въ томъ, что у Великаго Князя

Николая Николаевича не было рѣшительно никакихъ данныхъ, чтобы выполнять столь громадной важности обязанности и дѣятельность по государственной оборонѣ, отъ которой зависѣло благополучіе и защита страны отъ враговъ внѣшнихъ. Что же касается враговъ внутреннихъ, то ограниченныя умственныя способности не давали ему возможности отнестись здраво къ происходившему лѣвому движенію въ странѣ. Дѣятельность же въ отношеніи содѣйствія Царю разумными совѣтами ограничивалась у него лишь злобными монологами съ пѣною у рта и отсутствіемъ цѣлесообразныхъ совѣтовъ по дѣламъ исключительной государственной важности.

По единодушному донесенію всѣхъ командующихъ войсками Государь убѣдился, что боеспособныхъ войскъ у него нѣтъ и дѣятельность въ органахъ войскового управленія уподобилась кавардаку, напоминавшему столпотвореніе Вавилонское. Что же касается самаго «Совѣта Государственной Обороны», подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Николая Николаевича, то дѣятельность его привела къ истинному «смѣшенію языковъ», а армія при этомъ оказалась безъ оружія, сапогъ и съ огромнымъ некомплектомъ офицерскаго состава.

Мое предсказаніе, такимъ образомъ, къ сожалѣнію, оправдалось и это только усилило враждебное отношеніе ко мнѣ Великаго Князя Николая Николаевича, я удостоился получить

въ немъ смертельнаго врага, который изо всѣхъ силъ затѣмъ старался уничтожить меня, до тла. Этому надмѣнному, хитрому, но не умному и жестокому человѣку я обязанъ всѣмъ тѣмъ мученіямъ, поклепамъ, мефистофельскимъ измышленіямъ небывалыхъ никогда преступленій, которыя посыпались на меня изъ рога изобилія клеветы Николая Николаевича младшаго, во время войны.

Царь былъ умнѣе своего дяди Николая Николаевича, но со слабой, сравнительно, волей. Гражданскаго мужества за то у Николая II было больше, нежели у его дяди, который не отличался храбростью въ свитѣ своего отца, Великаго Князя Николая Николаевича старшаго, во время турецкой кампаніи 1877—78 г.г. Объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ и слѣдующій фактъ. Когда въ 1905 г. пришлось прибѣгнуть къ полевымъ судамъ, то какъ главнокомандующему войсками гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, на его обязанности лежала конфирмація смертныхъ приговоровъ. Но непріятную процедуру эту онъ призналъ за благо возложить на генерала Газенкампфа, своего помощника, такъ какъ умыть руки въ такомъ дѣлѣ было все-таки безопаснѣе.

Великокняжескому семейному вліянію обязана Россія увлеченіемъ Царя и Царицы всякими шарлатанами, Капюсами, Филиппами... до Распутина включительно; рекомендація этихъ про-

ходимцевъ исходила изъ дома Великаго Князя Николая Николаевича, въ которомъ процвѣтало «столоверченіе» и всякое оккультное шарлатанство.

Въ лицѣ своего дяди Николай II имѣлъ того злого генія, который загубилъ и Царя и всю землю русскую. Не подготовленный къ такой отвѣтственной роли, какъ «Всероссійскій Самодержецъ», самъ это сознавалъ Николай II.

Въ томѣ XII Гессенскаго «Архива русской революціи» помѣщены «Воспоминанія» С. П. Бѣлецкаго, въ которыхъ онъ между прочимъ говоритъ: «До назначенія моего директоромъ (Департамента полиціи), когда я былъ вице-директоромъ, при П. А. Столыпинѣ, мнѣ не пришлось ни въ служебной, ни въ частной моей жизни сталкиваться съ Распутинымъ, но въ тотъ періодъ его имя начало просачиваться въ средніе круги петроградскаго общества, такъ какъ онъ былъ принятъ во дворцѣ Великаго Князя Николая Николаевича, его супругою и имъ самимъ».

Такимъ образомъ этимъ подтверждается тотъ слухъ въ то время, что Великій Князь, главнокомандующій войсками гвардіи Петербургскаго военнаго округа, содѣйствовалъ Распутину, стать пагубнымъ для Россіи и престола «Deus ex machina», — что, конечно, не мало способствовало всероссійской катастрофѣ.

По словамъ Бѣлецкаго — Распутинъ «оцѣнилъ всю выгоду своего положенія и примѣнивъ

и къ этой средѣ усвоенный имъ методъ вліянія, заставилъ остановить на себѣ вниманіе вліятельныхъ представительницъ этихъ салоновъ и заинтересовать своею личностью Великаго Князя Николая Николаевича. Дворецъ Великаго Князя Николая Николаевича для Распутина явился милостью, брошенной пророкомъ Иліей своему ученику Елисею, привлекшей вниманіе къ нему Высочайшихъ особъ».

Распутинъ, по свидѣтельству Бѣлецкаго, «православное духовенство не только не уважалъ, а позволялъ себѣ его третировать. Никакихъ духовныхъ авторитетовъ не цѣнилъ, даже въ средѣ высшей церковной іерархіи, отмежевавъ себѣ функціи оберъ-прокурорскаго надзора и чувствовалъ въ себѣ молитвенный экстазъ лишь въ моментъ наивысшаго удовлетворенія своихъ болѣзненно-порочныхъ наклонностей, что мною и было засвидѣтельствовано въ свою пору Великому Князю Николаю Николаевичу» . . . — говоритъ Бѣлецкій.

Стало быть «дядѣ» Государя изъ первоисточника извѣстно было, что такое Распутинъ . . . А что онъ сдѣлалъ для того, чтобы спасти Царя, отъ этого губящаго его ядовитаго спрута? Двѣ «знаменательныя услуги» сдѣлалъ Николай Николаевичъ Россіи и ея Вѣнценосному Вождю: свелъ его съ преступнѣйшимъ какимъ-то колдуномъ и создалъ «бэдламъ» во образѣ «Совѣта государственной обороны» . . .

Николай Александровичъ хотѣлъ отказаться отъ царской короны, но умирающій отецъ его не разрѣшилъ ему этого, предвидя въ такомъ случаѣ возможность гибельныхъ для государства послѣдствій.

Врядъ ли Александръ III рекомендовалъ своему наслѣднику обращаться за совѣтами къ дядѣ Николаю Николаевичу, который никакой выдающейся роли при этомъ устойчивомъ, дѣйствительно самодержавномъ царѣ не игралъ. Слабовольнаго же Николая Александровича' если не забралъ безусловно въ свои руки дядя, то временами вліялъ за спиной своего племянника, учитывая слабую его сторону: человѣка, опасавшагося посторонняго вліянія.

Промахамъ и ошибкамъ, отъ которыхъ страдала страна, Императоръ Николай II и его подданные обязаны именно царскому дядѣ, не обладавшему ни опытомъ, ни даромъ — въ дѣлахъ управленія государствомъ, — но совавшему свой носъ подъ сурдинку безотвѣтственно, въ дѣла, въ которыя онъ признавалъ за благо вмѣшаться.

Въ міровой войнѣ со стороны Россіи не малую роль сыграли такіе представители царствующаго дома, какъ оба Николая — «дядя и племянникъ». Первому изъ нихъ не избѣжать безпрестрастнаго приговора исторіи, которая вынесетъ его, когда выяснятся всѣ детали, создавшейся обстановки передъ войной и раскроются

всѣ интриги, подкопы, ложь, клевета и непохвальныя дѣянія Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Николая Николаевича.

Увольняя меня 11 іюня 1915 г., Государь писалъ изъ Ставки Великаго Князя Николая Николаевича:

«Столько лѣтъ поработали мы вмѣстѣ и никогда надоразумѣній у насъ не было. Благодарю васъ сердечно за всю вашу работу и за тѣ силы, которыя вы положили на пользу и устройство родной арміи. Безпристрастная исторія вынесетъ свой приговоръ, болѣе снисходительный, нежели осужденіе современниковъ». А что онъ самъ меня не осуждалъ, доказательствомъ для меня былъ слѣдующій эпизодъ:

Когда я сидѣлъ въ Петропавловской крѣпости — бѣдный мой Государь находился въ Тобольскѣ — тоже въ заточеніи. На одной изъ прогулокъ внутри Трубецкаго бастіона, которая сопровождалась часовымъ, этотъ послѣдній поспѣшно сунулъ мнѣ въ руку какую-то бумажку, въ которой оказался небольшой металлическій, круглый образокъ. На одной сторонѣ его находилось изображеніе Богородицы съ подписью: «Обр. Тобольск. Бож. М.», а на другой — митрополитъ и надпись: «Св. Іоаннъ Митр. Тобол.».

Когда я уже былъ заграницей, лицо, имѣвшее сношеніе съ Тобольскомъ во время нахожденія тамъ царской семьи, меня спросило, — получилъ

ли я благословеніе Государя, которое послано было мнѣ изъ Сибири?

Я его получилъ, какимъ - то чудомъ, при томъ строгомъ окарауливаніи, которое казалось лишало возможности какого либо сношенія съ внѣшнимъ міромъ. А этотъ дорогой для меня образокъ проникъ черезъ двѣ своего рода блокады, въ которыхъ находились мы съ Государемъ.

Для меня же это было драгоцѣннымъ доказательствомъ, что Царь убѣдился уже тогда въ правильности своего утвержденія, что «безпристрастная исторія вынесетъ свой приговоръ безпристрастный» и осудитъ, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ того преступнаго «Высочайшаго», по росту только къ сожалѣнію, «Дядю», предавшаго послѣдняго русскаго Царя и загубившаго Россію...

МЯСОѢДОВСКАЯ ИСТОРІЯ.

Теперь, десять лѣтъ спустя послѣ того, что продѣлалъ Николай Николаевичъ, спасая свое великокняжеское достоинство, цѣлымъ рядомъ документальныхъ данныхъ и показаній въ воспоминаніяхъ лицъ, свидѣтелей, «правда» во всей этой возмутительной исторіи обнаружилась полностью.

Что Великій Князь не былъ «рыцаремъ безъ страха и упрека» вообще, было извѣстно не только въ Россіи, но и за ея рубежомъ. Но чтобы нравственная сторона этого человѣка была такой низкой пробы, какъ это въ настоящее время выяснилось безпощадно доказательно, едва ли кто-либо, въ томъ числѣ и я лично, допускалъ.

Позорная роль въ этомъ дѣлѣ, такого ренегата, какъ начальникъ штаба Верховнаго Главнокомандующаго Янушкевича, который не могъ не знать, что Великій Князь Николай Николаевичъ, снисходилъ до провокаціи, теперь уже ясна, какъ Божій день.

Въ «Современныхъ Запискахъ» парижскаго журнала (XXIV, 1925 г.), появилась, заслуживающая вниманія, статья О. Грузенберга, подъ заглавіемъ «Бредъ войны». Въ первой ея главѣ «Полковникъ Мясоѣдовъ и братья Фрейбергъ», вся преступность Великаго Князя въ роли Верховнаго Главнокомандующаго рельефно обрисовывается.

Вотъ, напр., что говоритъ о немъ О. Грузенбергъ: «Въ одной изъ вечернихъ газетъ появилась замѣтка, недвусмысленно приписавшая Мясоѣдову шпіонажъ. Мясоѣдовъ, въ отместку газетѣ, совершилъ грубое насиліе надъ ея редакторомъ. Черезъ 2—3 дня предсѣдатель комиссіи Государственной Обороны, членъ Государственной Думы А. И. Гучковъ повторилъ въ газетномъ интервью то же обвиненіе. А черезъ нѣсколько дней дрался на дуэли съ вызвавшимъ его Мясоѣдовымъ, чѣмъ призналъ безпочвенность своего обвиненія: шпіоны, надо полагать, не принадлежатъ къ категоріи дуэлеспособныхъ; съ ними не дерутся...

Мой чисто логическій выводъ, пишетъ О. Грузенбергъ, нашелъ неожиданно фактическое подтвержденіе со стороны лица, компетентность котораго внѣ спора. Во второй половинѣ мая, въ связи съ порученнымъ мнѣ генераломъ А. А. Поливановымъ дѣломъ одной почтенной, военной семьи, состоялась консультація, въ которой, кро-

мѣ него, участвовалъ Главный Военный Прокуроръ А. С. Макаренко, меня рекомендовавшій.

По окончаніи дѣлового обсужденія, когда бесѣда перешла на общія темы, А. А. Поливановъ, въ то время помощникъ военнаго министра, обратился къ генералу Макаренко:

— Кстати Александръ Сергѣевичъ, какъ ваше разслѣдованіе? Допросили ли Александра Ивановича?

А. С. Макаренко сумрачно отвѣтилъ:

— Допросили... Ничего не далъ... Ни одного факта..

Когда А. А. Поливановъ ушелъ, А. С. Макаренко, нѣсколько раздасадованный, объяснилъ мнѣ:

— Это мы про Мясоѣдова. Еще до даннаго мнѣ порученія былъ запрошенъ Главный Штабъ. Генералъ Бѣляевъ затребовалъ всѣ секретныя свѣдѣнія: ничего, что могло бы подтвердить или хотя бы объяснить въ отдаленной степени кампанію противъ Мясоѣдова. Запросили Департаментъ Полиціи: тоже ни одного штриха. Послѣ этого военный министръ возложилъ руководство разслѣдованіемъ на меня. Я назначилъ для производства его, подъ моимъ наблюденіемъ, Палибина. Мы ждали показанія А. И. Гучкова съ нетерпѣніемъ. И что же? Полное разочарованіе... Ничего конкретнаго, фактическаго, одна лишь ссылка на свое убѣжденіе и на какія - то свѣдѣнія. Отъ кого же онъ скрывалъ факты и имена?

Кому онъ боялся ихъ ввѣрить? Главному военно-прокурорскому надзору? Главному Штабу? Наконецъ, если допустить, что А. И. Гучковъ связалъ себя неосторожно словомъ, то онъ могъ и долженъ былъ заставить, во имя важныхъ государственныхъ интересовъ, говорить того, кто связалъ его словомъ, прячется самъ и прячетъ доказательства къ обличенію измѣнника. То же и съ журналистами. Очевидно, они черпали свои свѣдѣнія или у А. И. Гучкова, или изъ того же источника, что и онъ.

На мое указаніе, — пишетъ Грузенбергъ, — съ чего бы сталъ А. П. Гучковъ взводить напраслину на невѣдомаго ему человѣка, — А. С. Макаренко отвѣтилъ:

— Должно быть, кто-то ловко наплелъ ему. Послѣ показанія Мясоѣдова въ военномъ судѣ у него, надо думать, появилось не мало враговъ. Гучковъ легко повѣрилъ и въ политической борьбѣ противъ Сухомлинова торопливо использовалъ».

Вся эта Мясоѣдовская исторія такими бѣлыми нитками шита, что не можетъ не броситься въ глаза всякому, кто только, къ состряпанному, по инициативѣ Великаго Князя Николая Николаевича, этому ложному обвиненію, прикоснется.

Много русской крови на совѣсти бывшаго Верховнаго Главнокомандующаго, пролитой зря на поляхъ сраженій, вслѣдствіе его полководческихъ промаховъ; не мало и загубленныхъ человѣческихъ душъ въ тылу, для того, чтобы свалить свои грѣхи на другихъ и большею частью ни въ чемъ неповинныхъ людей.

Чисто болѣзненная какая-то спѣшка въ приведеніи смертныхъ приговоровъ къ исполненію, съ возмутительнымъ нарушеніемъ и безъ того свирѣпыхъ законовъ военнаго времени. Такъ именно погибъ Мясоѣдовъ, равно какъ и многіе другіе.

Въ томѣ XIV Гессенскаго Архива имѣется большого интереса статья «Впечатлѣнія очевидца» по суду надъ тѣмъ же Мясоѣдовымъ. Автору этой статьи пришлось быть свидѣтелемъ на полевомъ судѣ въ Александровской цитадели Варшавы, куда онъ былъ вызванъ спѣшно.

Изъ описанія всего того, что тамъ происходило подъ вывѣской суда, просто сказочно и позорно для члена Царской семьи Романовыхъ, та роль скорѣе какого-то бандита, не лучше Стеньки Разина, Пугачева и другихъ лицъ той же разбойной марки, которую игралъ этотъ дядя Государя.

Когда Б. Б—ій явился въ качествѣ свидѣтеля, по дѣлу Мясоѣдова, въ крѣпость, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ: «говорилъ прапорщикъ, очень чисто, не по «окопному» одѣтый; въ петлицѣ его висѣлъ не соотвѣтствующій чину орденъ Владиміра 4 степени безъ мечей. Его слушателями былъ генералъ-маіоръ въ формѣ юриста, жандармскій полковникъ и артиллерійскій капитанъ:

«Чего же вы хотите, господа, говорилъ прапорщикъ, чтобы онъ (Мясоѣдовъ) носилъ въ кармане удостовѣреніе въ томъ, что дѣйствительно состоитъ на германской службѣ? Нѣтъ, такія дѣла откровенно не дѣлаются! Повѣрьте моему опыту, а у меня его болѣе, чѣмъ достаточно, что въ этомъ дѣлѣ имѣются всѣ признаки (!) шпіонства. Я хорошо его изучилъ и удостовѣряю, что дѣло безпроигрышное!»

«Да, но для суда, хотя бы и военно-полевого, возражалъ артиллерійскій капитанъ, все-таки требуются конкретныя улики, а вы сами только что заявили, что ихъ нѣтъ...»

Затѣмъ появился господинъ, который былъ приставленъ въ роли секретаря къ Мясоѣдову и его сопровождавшій. О немъ Б. Б—ій пишетъ:

«Секретарь оказался довольно словоохотливымъ и отвѣчалъ на всѣ наши вопросы.

На предложенный ему вопросъ, установлено ли, съ кѣмъ Мясоѣдовъ велъ въ Ковно сношенія, «секретарь» отвѣтилъ, что не установлено, и что тамъ онъ ни съ кѣмъ, кромѣ оффиціальныхъ лицъ, не встрѣчался.

«Значитъ понялъ, что за нимъ слѣдятъ», замѣтилъ Б.

«Какія же улики имѣются противъ Мясоѣдова?», спросилъ я.

«Противъ него, собственно говоря, нѣтъ ни одной улики», отвѣтилъ «секретарь».

«Значитъ, его оправдаютъ», сказалъ Б.

«А вотъ увидимъ», отвѣтилъ «секретарь», «это дѣло суда».

Тяжелое впечатлѣніе производитъ описаніе затѣмъ позорнѣйшаго судилища, подъ предсѣдательствомъ полковника Лукирскаго, которое было ничто иное, какъ умерщвленіе невиновнаго человѣка, по повелѣнію Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Верховнаго Главнокомандующаго, ради огражденія полководческихъ экспериментовъ этого послѣдняго отъ нареканій въ неспособности блюсти интересы государственной обороны страны.

Объ этомъ въ свое время, конечно, «безпристрастная исторія вынесетъ свой приговоръ», отъ котораго Николаю Николаевичу Романову не поздоровится, къ сожалѣнію только, вѣроятно, лишь на томъ свѣтѣ.

На судѣ «ни прокурора, ни защитника не было», совсѣмъ келейно, по образу блаженной памяти застѣнка!

По письмамъ генерала Янушкевича ко мнѣ изъ Ставки, можно судить, какъ стряпалось тамъ это возмутительное, преступное дѣло, чисто авангарднаго характера къ готовившемуся генеральному сраженію Верховнаго Главнокомандующаго противъ военнаго министра.

Б. Б—кій свидѣтельствуетъ, что «во-первыхъ, тщательная слѣжка за Мясоѣдовымъ въ Ковнѣ не установила сношеній его съ подозрительными лицами, въ противномъ случаѣ это было бы ука-

зано въ приговорѣ; во-вторыхъ немедленно послѣ возвращенія съ позиціи, Мясоѣдовъ былъ арестованъ, слѣдовательно, фактически ничего противнику не передалъ; въ третьихъ, изъ моихъ показаній на судѣ явствовало (а больше никто изъ бывшихъ въ Дембовой Будѣ не опрашивался и, очевидно, весь пунктъ составленъ былъ на основаніи моихъ показаній), что Мясоѣдовъ разспрашивалъ не подробно, а весьма разсѣянно, какъ простой любопытный. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что «свѣдѣнія», которыя пріобрѣлъ Мясоѣдовъ своими разсѣянными вопросами, не дали бы нѣмцамъ никакого представленія о нашемъ расположеніи и силахъ, но, помимо того, подъ подобное обвиненіе опять-таки можно было бы съ успѣхомъ подвести любого офицера русской или другой арміи, явившагося на чужой участокъ и задававшаго, такіе же вопросы.

«Дѣло Мясоѣдова», говоритъ въ заключеніе Б. Б—кій, «произвело на меня впечатлѣніе грубѣйшей поддѣлки, имѣющей цѣлью найти «козла отпущенія» въ несчастномъ разгромѣ X арміи и гибели XX корпуса.

Дальнѣйшія грандіозныя событія революціи и гибель Россіи заслонили и почти изгладили изъ памяти современниковъ имя Мясоѣдова. Въ своемъ разсказѣ, отнюдь не преслѣдуя цѣли реабилизаціи Мясоѣдова или обвиненія кого-либо, я стремился», говоритъ Б. Б—кій, «дать безпристрастную картину того, что пришлось видѣть и слышать, передавая только достовѣрные факты.

Не скрою, что на меня лично, какъ я уже говорилъ, дѣло произвело впечатлѣніе подтасовки, и мое личное, быть можетъ ошибочное мнѣніе, что Мясоѣдовъ не виновенъ въ томъ, что ему приписывалось ...»

Совершенно вѣрно: не виновенъ!

Этимъ объясняется то, что такъ настойчиво упирались дѣлопроизводства этого «Шемякина суда», обнародовать на моемъ судѣ, когда Августѣйшій Верховный Главнокомандующій добрался до меня, чтобы всѣ свои преступленія передъ страною свалить на бывшаго военнаго министра.

Николай Николаевичъ вѣдь готовилъ «рубашку» и для меня, но это предпріятіе у него сорвалось, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ.

Спрашивается, гдѣ же тутъ какіе-либо признаки дѣйствительнаго судопроизводства, хотя бы и полевого? Ни обвинителя, ни защитника, рѣшительно никакихъ данныхъ для обвиненія и при такихъ условіяхъ «рубашка», а черезъ два часа послѣ приговора, скоропалительное приведеніе въ исполненіе черезъ повѣшеніе — ночью!..

Ясно поэтому, почему моему защитнику не удалось добиться предъявленія журнала засѣданія этого позорнаго «сверхъ-Шемякина суда» надъ Мясоѣдовымъ; а мнѣ лично его показали вслѣд-

ствіе энергичнаго настоянія лишь наканунѣ моего судилища въ собраніи Арміи и Флота въ Петербургѣ.

Теперь же не секретъ, что это было простое убійство, совершенное по личной иниціативѣ и повелѣнію Николая Николаевича Романова. А козырь послѣднему нуженъ былъ въ шулерской его игрѣ противъ военнаго министра, котораго Его Императорскому Высочеству нужно было тоже изъять изъ обращенія тѣмъ же путемъ, чтобы только затушевать свои тяжкія преступленія передъ Россіей въ роли «браннаго воеводы» и губителя русской военной мощи.

ЗАКУЛИСНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОТЬ ВЕЛИКАГО КНЯЗЯ НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА.

По части характеристики махинацій Великаго Князя Николая Николаевича, въ настоящее время опубликованы интересные документы *), имѣющіе исключительное значеніе въ вопросѣ объ отношеніи этого дяди Государя къ военному вѣдомству.

Собственноручно написанный проектъ рескрипта Николаемъ Николаевичемъ, составленный послѣ провала изобрѣтеннаго имъ же самимъ злополучнаго «Совѣта Государственной Обороны», гласитъ такъ:

«Ваше Императорское Высочество.

27 октября 1905 г. я ввѣрилъ вамъ войска Гвардіи и Петербургскаго военнаго округа.

Ваше Императорское Высочество высказали мнѣ опасеніе о трудности совмѣщенія этой долж-

*) «Николай II и Великіе Князья». Родственныя письма къ послѣднему Царю. Государственное издательство. 1925. Москва.

ности съ обязанностями предсѣдателя Совѣта Государственной Обороны.

Сознавая основательность вашего заявленія, я тѣмъ не менѣе повелѣлъ вамъ исполнить мою волю, признавая это тогда необходимымъ.

25 декабря 1908 г. Ваше Императорское Высочество представили мнѣ докладъ объ усмотрѣнныхъ вами недостаткахъ въ положеніи о Совѣтѣ Государственной Обороны и новой организаціи военного министерства.

Вашъ докладъ совпалъ съ моими воззрѣніями на этотъ вопросъ. Посему онъ былъ подвергнутъ мною всестороннему разсмотрѣнію.

Теперь я повелѣлъ военному министру представить мнѣ это дѣло въ окончательномъ видѣ, согласно даннымъ мною указаніямъ.

Высоко цѣня ваше выдающееся научное и практическое знаніе воспитанія войскъ, ваше пониманіе истиннаго духа военнаго дѣла, я могу нынѣ, въ виду рѣшеннаго мною пересмотра положенія о Совѣтѣ Государственной Обороны и преобразованія военнаго министерства, освободить васъ отъ предсѣдательства Совѣтомъ Государственной Обороны и возложить на васъ исключительную заботу о ввѣренныхъ мною вамъ войскахъ.

Я увѣренъ, что нынѣшнее примѣрное состояніе войскъ гвардіи и Петербургскаго военнаго округа, благодаря этому, еще возвысится.

За вашу плодотворную дѣятельность, какъ предсѣдателя Совѣта Государственной Обороны, принесшаго столько пользы (!?!), изъявляю вамъ мою особенную сердечную благодарность».

Въ концѣ печатнаго текста рескрипта значится: «на подлинномъ собственною Его Императорскаго Величества рукою написано: Сердечно васъ любящій Николай. Петергофъ. 26 іюля 1908 г. *).

Дѣло въ томъ, что 27 мая 1908 г., членъ Государственной Думы Гучковъ, выступая докладчикомъ по смѣтѣ военнаго министерства, подвергъ рѣзкой критикѣ систему военнаго управленія. Въ заключительной же части своей рѣчи онъ обратилъ вниманіе на полнѣйшую не состоятельность такого, казалось бы важнаго учрежденія, какъ «Совѣтъ Государственной Обороны».

То что я въ свое время докладывалъ Его Величеству и съ чѣмъ, казалось, Государь былъ согласенъ, Великій Князь Николай Николаевичъ съумѣлъ анулировать и въ результатѣ послѣ трехъ лѣтъ Гучковъ въ свою очередь докладывалъ Государственной Думѣ:

«Составленный изъ цѣлой коллегіи лицъ, коллегіи многочисленной, подъ предсѣдательствомъ Великаго Князя Николая Николаевича, этотъ совѣтъ является серьезнымъ тормазомъ въ дѣлѣ реформы и всякаго улучшенія нашей государственной обороны.

---

*) «Правительственный Вѣстникъ», 1908 г. № отъ 27 іюля.

Для того, чтобы закончить передъ вами картину той дезорганизаціи, граничащей съ анархіей, которая водворилась во главѣ управленія военнаго вѣдомства, я долженъ еще сказать, что должность генералъ-инспектора всей артиллеріи занимаетъ Великій Князь Сергѣй Михайловичъ, должность генералъ-инспектора инженерной части — Великій Князь Петръ Николаевичъ, и что главнымъ начальникомъ военно-учебныхъ заведеній состоитъ Великій Князь Константинъ Константиновичъ.

Если ничего нельзя имѣть противъ того, если можно даже считать естественнымъ и справедливымъ, чтобы лица по своему положенію неотвѣтственные, служили въ рядахъ арміи, неся всю тяготу въ мирное время и всѣ опасности въ военное время въ качествѣ строевыхъ начальниковъ, то слѣдуетъ сказать, что постановка ихъ во главѣ отвѣтственныхъ отраслей военнаго дѣла является дѣломъ совершенно ненормальнымъ...

Отношеніе ихъ къ другимъ равноправнымъ инстанціямъ военнаго управленія и отношеніе ихъ къ своимъ начальникамъ, несомнѣнно, носятъ на себѣ отпечатокъ ихъ общественнаго положенія и связанной съ ними фактической безотвѣтствѣнности. Мы должны это сказать и вмѣстѣ съ тѣмъ мы должны признать наше безсиліе въ борьбѣ съ этимъ явленіемъ».

Рѣчь эту А. И. Гучковъ закончилъ вызывающе:

«Если мы считаемъ себя въ правѣ и даже обязаными обратиться къ народу, къ странѣ и требовать отъ нихъ тяжелыхъ жертвъ на дѣло этой обороны, то мы въ правѣ обратиться и къ тѣмъ немногимъ безотвѣтственнымъ лицамъ, отъ которыхъ мы должны потребовать только всего отказа отъ нѣкоторыхъ земныхъ благъ и нѣкоторыхъ радостей тщеславія, которыя связаны съ тѣми постами, которые они занимаютъ».

Это выступленіе Гучкова произвело сильное впечатлѣніе, не только въ томъ кругу, противъ котораго была непосредственно направлена, но и среди читающей публики вообще, ибо думскими преніями всѣ интересовались въ особенности травлею — власть имущихъ.

Больше всѣхъ задѣтъ, оскорбленъ, и взбѣшенъ былъ Великій Князь Николай Николаевичъ. Государь не могъ не вспомнить того заключенія, которое я ему представилъ послѣ прочтенія неосмысленнаго проекта о раздѣленіи военнаго министерства и созданіи Совѣта Государсственной Обороны, измысленнаго свирѣпымъ «дядей». Въ результатѣ онъ составилъ записку для Государя «объ окончательномъ паденіи престижа Великихъ Князей».

Согласно этой запискѣ онъ никого не обвиняетъ, по его снисходительному мнѣнію. Гучковъ могъ имѣть недостаточно полный матеріалъ для правильнаго вывода, а Государственная Дума, при сдѣланной Гучковымъ оцѣнкѣ фактовъ,

не могла отнестись иначе къ его рѣчи. Военный министръ могъ имѣть основаніе не опровергать освѣщенія фактовъ въ рѣчи Гучкова, равно какъ и предсѣдатель Совѣта Министровъ.

Хотя, по мнѣнію Великаго Князя Николая Николаевича, рѣчи депутатовъ Государственной Думы, очевидно, не могли имѣть значенія для военныхъ, которымъ дорого и свято лишь слово Державнаго Верховнаго Вождя, но тѣмъ не менѣе, на лицо впечатлѣніе, произведенное рѣчью Гучкова въ Россіи и нельзя не считаться съ выводомъ, сдѣланнымъ въ странѣ, въ виду того, что не было сдѣлано опроверженія.

По мнѣнію Николая Николаевича, лица отвѣтственныя остались на мѣстахъ, что даетъ поводъ признать обвиненія Гучкова вѣрными. А если это такъ, то Великимъ Князьямъ слѣдуетъ просить объ увольненіи.

Оставить дѣло въ настоящемъ положеніи немыслимо; престижъ Великихъ Князей подорванъ окончательно и Россія къ нимъ не можетъ относиться съ довѣріемъ. Уволить въ виду этого Великихъ Князей, выразивъ имъ благодарность за ихъ ревностную и плодотворную дѣятельность съ пользою для военнаго дѣла, такъ какъ выступавшій затѣмъ по смѣтѣ военный министръ Редигеръ ничего не опровергъ изъ указаній Гучкова, а предсѣдатель Совѣта Министровъ не счелъ также нужнымъ сдѣлать какіе-либо возраженія.

Засѣданіе Государственной Думы, на которомъ былъ затронутъ вопросъ о Великихъ Князьяхъ, происходило 27 мая 1908 г., а черезъ два мѣсяца, 26 іюля Николай Николаевичъ былъ уволенъ отъ должности предсѣдателя Совѣта Государственной Обороны.

Такимъ образомъ дядя Государя самъ создалъ Совѣтъ Государственной Обороны, самъ его провалилъ и въ концѣ концовъ самъ себѣ сочинилъ рескриптъ; самъ себя похвалилъ и поблагодарилъ, но не застраховалъ лишь отъ заслуженной критики своей дѣтельности. По государственной оборонѣ виновенъ онъ въ квадратѣ: взялся за возстановленіе боеспособности русской арміи и доканалъ остатки ея окончательно. Выступилъ въ походъ съ приведенной въ порядокъ вооруженной силой и довелъ ее до пораженія по частямъ, въ каковой стратегіи напрактиковался должно быть въ своемъ Совѣтѣ Государственной Обороны.

Когда несостоятельность Николая Николаевича, какъ Верховнаго Главнокомандующаго, выяснилась уже для всѣхъ рѣшительно и Государь по всѣмъ даннымъ понялъ, что въ лицѣ дяди у него народился конкурентъ, будущій Николай III, признано было за благо назначить Николая Николаевича на Кавказъ, а Царь самъ сталъ во главѣ дѣйствующей арміи. Но дѣло испорчено уже было въ корнѣ и катастрофа назрѣвала со дня на день.

Когда же Великаго Князя пересадили на Кавказъ, то туда перевели и ближайшій къ нему личный составъ. О входящихъ въ него ближайшихъ лицахъ, заботы Великаго Князя выходили изъ предѣловъ благоразумія и осторожности; поэтому служили поводомъ къ нареканіямъ и осужденіямъ, умаляющимъ престижъ царской фамиліи, въ лицѣ высшихъ ея представителей.

Такъ напримѣръ, съ назначеніемъ Великаго Князя Николая Николаевича на Кавказъ, съ нимъ вмѣстѣ перешли туда и его близкіе люди, въ томъ числѣ и Князь Орловъ, бывшій начальникомъ походной канцеляріи Его Высочества. Письмо о немъ къ Государю, можетъ служить иллюстраціей къ той эксплоатаціи бѣднаго Государя, которой не гнушался его дядя, писавшій Царю:

«Дорогой Ники.

Дѣло касается Влади Орлова. Офиціальнымъ письмомъ я не имѣю права Тебя просить, разъ я получилъ черезъ военнаго министра Твою резолюцію.

Мнѣ остается одинъ путь, это обращеніе къ Тебѣ съ письмомъ не офиціальнымъ, и я увѣренъ, зная Твое сердце, что Ты меня простишь за причиняемое безпокойство.

Влади, съ Твоего разрѣшенія, произвелъ изысканіе желѣзной дороги отъ Кавказа до Святого Креста. Эта дорога служитъ продолженіемъ вѣтки, ранѣе имъ проведенной чрезъ его имѣніе

Воронежской губерніи. Это изысканіе потребовало громадныхъ расходовъ, но онъ смѣло шелъ на этотъ расходъ, такъ какъ имѣлъ «Высочайшее разрѣшеніе», что предрѣшало дальнѣйшее.

Правда, тогда онъ не занималъ административнаго поста. Назначеніе состоялось во время войны, и поэтому отказываться онъ не имѣлъ права.

Твоя резолюція ставитъ его въ безвыходное положеніе.

Отказъ есть полное его разореніе, такъ какъ деньги, имъ затраченныя, пропадаютъ.

Если бы разореніе касалось бы его одного, но весь ужасъ, что этимъ разоряется вся его семья и его единственный сынъ, который недавно поступилъ въ гвардейскую конную артиллерію.

Влади будетъ вынужденъ продать свое имѣніе; такимъ образомъ пропадетъ еще одно крупное дворянское имѣніе.

Будь все это въ мирное время, Влади для спасенія семьи долженъ былъ бы выйти въ отставку. Это безвыходное положеніе безусловно роковымъ образомъ отразится на уже сильно надорванномъ здоровьи Влади, а я лично лишусь безусловно незамѣнимаго во всѣхъ отношеніяхъ помощника.

Управленіе Кавказомъ сверхтрудное, благодаря оставленному мнѣ наслѣдію *).

---

*) Это по адресу своего предшественника графа Воронцова - Дашкова.

Нуженъ особый подборъ людей, а главное — главу, во Влади я ее имѣю. Теряя его я все теряю *).

Все вышеизложенное даетъ мнѣ нравственное право, болѣе того обязываетъ меня молить Тебя разрѣшить Влади то, о чемъ ходатайствовалъ черезъ военнаго министра.

Бываютъ особо исключительные обстоятельства, гдѣ одна монаршая воля можетъ рѣшить не по буквѣ, а по духу.

Я твердо вѣрю, что ознакомившись со всѣми деталями дѣла, Ты найдешь возможнымъ сдѣлать исключенiе, болѣе того, найдешь это справедливымъ.

Помоги Тебѣ Богъ со славою побѣдоносно продолжать начатую, неслыханную по размѣрамъ и важности, операцiю.

Любовно, съ восторгомъ слѣжу за каждымъ шагомъ. Явная помощь Божья уже видна. А это все.

Хотя на Кавказскомъ фронтѣ и тяжко, но надѣюсь, что Богъ поможетъ выдержать, пока не настанетъ часъ, когда Ты признаешь возможнымъ, по общему ходу, прислать подкрѣпленiе.

Твой горячо Тебя любящiй вѣрноподданный

Николаша.

Годжары, 22 iюня 1916 г.»

Документъ весьма интересный, для уразумѣнiя

*) Теряя голову человѣкъ, конечно, все теряетъ, разъ своей у него нѣтъ.

психологiи «Николаши». Въ дѣйствительности, одно признанiе, что во «Влади» Николай Николаевичъ имѣлъ «главу», поэтому теряя его онъ все терялъ!.. Признанiе для Великаго Князя Верховнаго Главнокомандующаго убiйственное, всѣ преступные полководческiе промахи его Высочества, переносящее на князя Орлова, идентичное съ тѣмъ, какое онъ сваливалъ на военнаго министра, не обезпечившаго ему успѣха на полѣ брани въ Восточной Пруссiи, Карпатахъ и подъ Варшавой.

Письмо это вызванное чисто личными денежными интересами, хотя и весьма достойнаго человѣка, непристойно въ тѣ тяжелыя минуты нашихъ боевыхъ неудачъ, когда послѣ длиннаго посланiя о подкрѣпленiи денежными средствами «Влади», всего лишь нѣсколькими словами въ концѣ письма заявляется о необходимости другого «подкрѣпленiя» на кавказскомъ фронтѣ войсками...

Заслуживаетъ вниманiя и другой подобный документъ, письмо Великой Княгини Милицы Николаевны, супруги Николая Николаевича:

«Дорогой Ники,

Николаша передалъ мнѣ слѣдующее: «Государю угодно, чтобы ты ему написала, какъ ты находишь: желательно ли, чтобы разграниченiе между Черногорiею и Сербiею было сдѣлано Россiей? Второе: чтобы ты указала границы Черногорiи».

Мое личное, весьма опредѣленное, мнѣніе не могло бы, конечно, имѣть значенія, если бы не совпадало съ мнѣніемъ моего отца, а его взгляды на оба эти вопроса мнѣ вполнѣ извѣстны.

Мой отецъ, безусловно полагаясь на то, что Россіи будутъ понятны нижеизложенныя положенія Черногоріи въ смыслѣ будущихъ границъ, всей душой привѣтствовалъ бы разграниченіе Россіею между Черногоріею и Сербіей.

Эти желанія Черногоріи оправдываются, во-первыхъ, исторіей, неисчеслимыми жертвами людей, вѣками боровшихся въ защиту креста и угнетенныхъ братьевъ, а затѣмъ и небольшими экономическими выгодами, которыхъ Черногорія вполнѣ заслужила.

Пятьсотъ лѣтъ свободная Черногорія поддерживала священный огонь православія и надежду на освобожденіе въ другихъ балканскихъ странахъ, дождавшихся его только въ теченіи прошлаго столѣтія и съ тѣхъ поръ достигнувшихъ значительнаго развитія и процвѣтанія. Одна Черногорія, окруженная желѣзнымъ кольцомъ Австріей, томилась въ безвыходномъ положеніи. Но вотъ пробилъ часъ воли Божіей!

Я особено счастлива буду, если надъ моей дорогой родиной засіяетъ новая, свѣтлая заря, по волѣ Россіи... по волѣ Твоей...

Въ 1711 г. Петръ Великій, окруженный турками на Прутѣ, призвалъ на помощь Черногорію; два года спустя, въ другой, благодарственной грамотѣ моему предку, владыкѣ-господарю Даніилу I, онъ говоритъ: «Вы по нашему желанію, ради единовѣрія и единоязычія съ нами, вооружились всенародно. Не можемъ мы, по достоинству и по заслугамъ вашимъ, за показанное намъ вспомоществованіе возблагодарить и награжденіе учинить. Наша царская милость къ вамъ и впредь никогда отъемлима не будетъ».

Дай Богъ Черногоріи, чтобы благодарные слова великаго Царя оправдались въ твоемъ рѣшеніи.

По вопросу о новыхъ, желательныхъ границахъ я боюсь утруждать тебя сухимъ перечнемъ рѣчекъ, деревень и горныхъ кряжей, потому назову ихъ только въ общихъ чертахъ: Черногорія получила бы Герцеговину, съ той частью Адріатическаго моря, которая ей (Герцеговинѣ) принадлежитъ; затѣмъ южнѣе часть Далмаціи до Антивари, острова (съ Рагузой и Катаро). На сѣверо-востокъ ту небольшую полоску южной Босніи, которую черногорцы осенью заняли собственными силами, безъ участія сербовъ; здѣсь много легло людей... На югѣ отъ устьевъ Дрина, весь правый берегъ его до черногорско-сербской границы южнѣе Дьяковицы. (Конечно, все, что къ сѣверу отъ Дрина, г. Скутари, озеро). Это границы въ случаѣ раздѣла Босніи, Герцеговины, Далмаціи и части Албаніи.

Если же въ раздѣлъ войдутъ Хорватія, Славонія и Сирмія, то, конечно, часть, отходящая

Черногоріи, должна будетъ увеличиться; опредѣленіе этихъ новыхъ границъ у меня подробно имѣется.

Прости за эти длинныя страницы, знаю, какъ каждая минута дорога. Особенно думала о тебѣ въ радостный день сдачи Перемышля; этотъ трепетъ души, чувство безконечной благодарности къ Богу и роднымъ воинамъ мнѣ такъ знакомо, такъ близко...

Дай Богъ тебѣ еще такихъ радостей!

Всею душою любящая тебя и вѣрноподданная

Милица.

Кіевъ, 5 апрѣля 1915 г.»

Это письмо Великой Княгини Милицы Николаевны можетъ служить иллюстраціей къ толкамъ и опасеніямъ вліянію дочерей черногорского короля на дѣла Балканскаго полуострова.

Объ истинномъ планѣ короля Черногорскаго Николая, можно судить по донесенію русскаго военнаго агента въ Черногоріи въ Ставку Верховнаго Главнокомандующаго 13 апрѣля 1915 г. Изъ его доклада видно, что осуществленіе интересовъ, какъ Черногоріи, такъ и Италіи, преслѣдуетъ задачу усилить и укрѣпить Черногорію, сдѣлавъ ее возможно болѣе независимой отъ Сербіи и одновременно ослабить Сербію, которая можетъ явиться въ будущемъ угрозою итальянскимъ интересамъ на Адріатическомъ морѣ.

А для осуществленія этого плана является необходимость, во-первыхъ раздобыть подъ видомъ кредитовъ на армію, крупныя денежныя средства, которыя позволили бы Черногоріи, по окончаніи войны и по прекращеніи сербской военной субсидіи, стать независимою въ матеріальномъ отношеніи въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ.

Во-вторыхъ, проектируемое занятіе Италіею въ будущей войнѣ съ Австріей прибрежныхъ пунктовъ южной Далмаціи, отнюдь не уступать сербамъ, а оставить въ черногорскихъ рукахъ.

Затѣмъ въ третьихъ, путемъ соотвѣтствующаго освѣдомленія русскаго Верховнаго Главнокомандующаго, подготовить почву къ возможно большому расширенію за счетъ Сербіи будущихъ границъ Черногорскаго королевства.

Письмо Милицы Николаевны къ Николаю II является такимъ образомъ документомъ, проливающимъ свѣтъ на черногорскія вожделенія, въ лицѣ двухъ сестеръ, орудовавшихъ въ Россіи и Италіи на пользу своей балканской родины. Но въ концѣ концовъ ничего изъ этого не вышло и Черногорскій король Николай бѣжалъ въ Италію, къ своей дочери.

Эту закулисную сторону дѣятельности черногоскихъ сестеръ, въ своихъ воспоминаніяхъ, графъ Витте очертилъ рѣзко, но правильно.

Великій Князь Николай Михайловичъ, который въ интеллектуальномъ отношеніи рѣзко выдѣлялся среди членовъ императорской фамиліи,

въ письмѣ отъ 28 апрѣля 1916 г., писалъ Государю:

«Относительно популярности Николаши скажу слѣдующее: эта популярность была мастерски подготовлена изъ Кіева Милицей *), совсѣмъ исподволь и всѣми способами, распространеніемъ въ народѣ брошюръ, всякихъ книжонокъ, лубковъ, портретовъ, календарей и т. п. Благодаря такой обдуманной подготовкѣ, популярность не упала послѣ Галиціи и Польши и снова возросла послѣ Кавказскихъ побѣдъ.

Съ самаго начала кампаніи я неоднократно писалъ Твоей матушкѣ и предупреждалъ о кіевскихъ интригахъ, Тебѣ же писать не могъ, состоя при штабѣ генералъ - адъютанта Иванова и не нарушая дисциплины.

Теперь я свободно говорю, говорилъ уже, когда вы лично взяли бразды верховнаго управленія арміями, и повторяю и нынѣ, что на Кавказѣ Милица не дремлетъ.

Смѣю Тебя увѣрить, по моему глубокому убѣжденію, что въ династическомъ отношеніи явленіе этой популярности меня тревожитъ, особенно при возбужденномъ состояніи нашего общественнаго мнѣнія, которое все яснѣе обрисовывается въ провинціи.

Популярность эта вовсе не идетъ на пользу престола или престижа Императорской фамиліи,

*) Супругой В. Кн. Николая Николаевича.

а только къ муссированію мужа Великой Княгини славянки, а не нѣмки, равно какъ и брата и племянника Романа *). При возможности всякихъ смутъ послѣ войны надо быть на - чеку и наблюдать зорко за всѣми ходами для поддержанія сей популярности».

И Великій Князь Николай Михайловичъ былъ правъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше это теперь подтверждается изъ разныхъ источниковъ. А въ свое время Николай II убѣдился въ этомъ уже поздно, когда дядя его погубилъ армію, создалъ такой чертополохъ, въ которомъ и разобраться было невозможно.

А Милицѣ Николаевнѣ лишь грезилась Императорская мантія и на головѣ ея мужа, если не подлинная шапка Мономаха, то сіяющая драгоцѣнными камнями императорская корона.

Въ дѣйствительности же оба они оказались въ концѣ концовъ гробокопателями, вырывшими глубокую могилу царствовавшему дому Романовыхъ.

---

*) Князь Романъ Петравичъ.

„POSTSCRIPTUM“.

Къ несчастію для многострадальной Россіи въ 1914 г., во главѣ ея армій, оказались такіе «горе-полководцы» какъ самъ Верховный Главнокомандующій Великій Князь Николай Николаевичъ, адмиралъ Колчакъ, генералы Ренненкампфъ, Деникинъ и безъ отвѣчающихъ своему назначенію хорошихъ нянекъ штаба — начальниковъ.

Прежде всего не выдержалъ полководческаго экзамена самъ Великій Князь и его полевой штабъ «Ставка». Николай Николаевичъ, понятно, не виноватъ, что Господь - Богъ не надѣлилъ его даромъ полководца, поэтому и неудивительно, что онъ на войнѣ плелъ стратегическія лапти, отъ которыхъ въ гробу парижскаго пантеона навѣрное ворочались кости Наполеона I.

Но кромѣ безталантности Николая Николаевича, благодаря его далеко нерыцарскимъ поступкамъ, которые какъ шило изъ мѣшка стали теперь вылезать, дѣянія этого бывшаго Верховнаго Главнокомандующаго дѣйствующей арміей

останутся навсегда несмываемымъ пятномъ въ исторіи погибшаго Дома Романовыхъ.

Если Колчаку, очутившемуся на сухомъ пути моряку, не удалось ничего сдѣлать для выручки гибнущаго государственнаго строя на Руси, то на югѣ были все - таки данныя для успѣха въ дѣлѣ возстановленія порядка. Но и тамъ къ несчастію оказался такой никчемный генералъ, какъ Деникинъ, у котораго для подобнаго крупнаго дѣла не было ни ума, ни характера, ни способности къ выполненію столь серьезнаго дѣла, за которое онъ взялся, въ силу своего тупоумія, не давая себѣ отчета въ громаднѣйшей отвѣтственности передъ страной.

Такимъ образомъ, съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ во главѣ, вся эта компанія сыграла въ руку противниковъ царской власти, сперва такихъ представителей Государственной Думы, какъ Керенскій, Родзянко, Гучковъ и К°, которые и захватили власть въ свои лапы, а затѣмъ, не удержавъ ее, сдались сами передъ большевиками.

Въ этой катастрофѣ, постигшей какъ Россію, такъ и Домъ Романовыхъ, въ высокой степени повиненъ Великій Князь Николай Николаевичъ.

Этотъ злой геній погибшаго Императора Николая II въ роли закулиснаго ментора послѣдняго, могъ бы стать полезнымъ, хотя бы и негласнымъ дѣятелемъ, въ дѣлахъ государственныхъ. Но помѣхою было, въ этомъ отношеніи,

прежде всего ограниченность ума Николая Николаевича и отсутствіе уравновѣшеннаго характера. Его надмѣнность, злоба и мстительность не способствовали благожелательному отношенію общественнаго мнѣнія къ Императорской фамиліи, создавая легенды, которыя вредили только престижу и популярности Царствующаго Дома въ странѣ.

Къ несчастію мнѣ довелось поздно распознать такихъ двуликихъ Янусовъ, какъ Поливановъ, Янушкевичъ, вмѣстѣ съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, составившими ту тройку, которая несомнѣнно и способствовала направить самодержавный экипажъ въ глубокій оврагъ. Не везло вообще Николаю II, послѣ устойчиваго и сильнаго волею такого вожатого, какъ Столыпинъ, попалъ на козлы этого экипажа между прочимъ и такой финасовый тузъ, какъ Коковцовъ, нынѣ банкиръ въ Парижѣ, пользующійся теперь всѣми благами жизни въ этомъ современномъ намъ Вавилонѣ, въ которомъ одновременно съ нимъ почиваетъ на лаврахъ и Великій Князь Николай Николаевичъ, имѣющій возможность жить припѣваючи.

Соперничество его съ Великимъ Княземъ Кирилломъ Владиміровичемъ въ дѣлѣ восшествія на Всероссійскій престолъ, нѣчто совершенно не суразное. Прежде всего для этого надо много мужества, а его у перваго изъ нихъ нѣтъ. Затѣмъ онъ старъ и говорятъ безъ морфія бойтись не мо-

жетъ. Въ дѣлѣ государственнаго управленія онъ съ головы до ногъ профанъ и человѣкъ интеллекта ниже средняго. По натурѣ — злой, мстительный и не мужественный, способный посылать на убой соти тысячъ душъ, не моргнувъ глазомъ, а лично предпочитающій не рисковать мизинцемъ.

Не такіе люди нужны для возстановленія порядка на Руси.

Но есть и наивные господа, которые находятъ, что на Всероссійскомъ престолѣ долженъ быть Николай III. Одинъ изъ нихъ, напр., пишетъ:

«Мы стали весьма подозрительны. Около каждаго имени послѣднее время было такъ много клеветы, что я хочу обрисовать вамъ съ полною четкостью все о Великомъ Князѣ.

Такъ часто приходилось слышать: «Да, такой-то хорошъ, а каково-то его окруженіе? Кто-то и какъ на него вліяетъ?»

Подлѣ Великаго Князя его супруга Великая Княгиня, преданная и любящая жена, глубоко вѣрующая въ Бога, безпредѣльно любящая Россію и не вмѣшивающаяся ни въ какія государственныя дѣла своего мужа. Такою она была всегда. Свято несла свой крестъ: быть женою великаго человѣка (?!).

Подлѣ Великаго Князя старый адъютантъ еще его отца, генералъ-фельдмаршала Великаго Князя Николая Николаевича старшаго, генералъ, баронъ Сталь, обладающій свойствомъ точно передавать всѣ приказнія и слова Великаго Князя

и докладывать Великому Князю все, что его просятъ передать, не прибавляя ни одного своего слова.

Коротко: у Великаго Князя нѣтъ окруженія. Онъ одинъ.

Всѣ русскіе его поддерживаютъ (?). Всѣ кому дорога Россія; кто ее любитъ, какъ свою мать, сошлись на его имени.

Россія зоветъ Великаго Князя одного. Онъ одинъ въ нее и пойдетъ. А когда выяснится обстановка, когда Россія потребуетъ здоровые соки, сохранившіеся за границей, потребуютъ ученыхъ, спеціалистовъ, нашу молодежь, которая учится и вездѣ идетъ первыми, онъ призоветъ всѣхъ этихъ людей не на мѣста и кормежку, а на роботу. Не по родственнымъ связямъ и протекціи, не по партійнымъ ярлыкамъ, знаніямъ и умѣнію работать Великій Князь оцѣнитъ людей. И тамъ въ Россіи, и тутъ за границей вопросъ будетъ одинъ: на что годишься и какъ умѣешь работать?»

Если этотъ послѣдній вопросъ задать самому Великому Князю Николаю Николаевичу, то ему правдиво пришлось бы отвѣтить:

Я старъ и немощенъ; одинъ никуда не пойду, ибо «одинъ въ полѣ не воинъ»; Россіи нѣтъ, а въ С.С.С.Р. непочатый край озвѣрѣлыхъ враговъ . . .

Между тѣмъ, на страницахъ парижской газеты «Возрожденіе» (20 іюня с. г.), Петръ Струве объявилъ «Вождемъ подвижникомъ освобожденія Россіи» Великаго Князя Никлая Николаевича. Этотъ «вождь», по мнѣнію редактора «Возрожденія», признаетъ, что доброе имя и честь Россіи спасены въ Европѣ подвигами русскаго культурнаго строительства» и что «за границей все больше и больше приходятъ къ правильной оцѣнкѣ той огромной культурной работы и положительныхъ достиженій (!?), которыми міръ обязанъ былъ Россіи до революціи».

Подпустивъ этотъ «камуфлетъ», редакторъ прибавляетъ, что по заявленію Великаго Князя, не самодержавію, а Россіи должна быть приписана эта именно заслуга; не возстановленіе стараго порядка, а возсозданіе самой Россіи въ живомъ преемствѣ съ лучшими завѣтами прошлаго — вотъ наша задача».

Это уже какая - то своего рода абракадабра непонятная . . .

Одно изъ двухъ, или «Николаша» сталъ заговариваться или не по разуму усердствующій «Вѣстникъ Высшаго Монархическаго Совѣта», а по его стопамъ и «Возрожденіе», по своей инициативѣ стряпаютъ неосмысленный вздоръ, во имя монархической пропаганды.

Одинъ изъ поклонниковъ Его Императорскаго Высочества, посѣтившій его во Франціи, гдѣ Николай Николаевичъ доживаетъ свой вѣкъ, — рекламно оповѣщаетъ и вводитъ публику въ обманъ, такимъ подобострасным монологомъ:

«Великій Князь полонъ жизненной силы. Страшныя испытанія, пережитыя имъ не сломили его крѣпкаго духа, но закалили Великаго Князя и укрѣпили глубокую вѣру въ Промыселъ Божій.

Великій Князь — вся увѣренность въ великомъ будущемъ Россіи. Въ этомъ сомнѣній у него нѣтъ: Россія погибнуть не можетъ. Онъ готовъ служить Россіи, чтобы возстановить въ ней законность и порядокъ и вернуть былую ея славу. Онъ не навязываетъ себя Русскому народу, потому что разъ испыталъ горечь заявленія княземъ Львовымъ, главнаго временнаго правительства, о томъ, что Русскій народъ не желаетъ, чтобы Романовы оставались на службѣ Россіи ... на это заявленіе промолчали тогда народъ и армія. Никто не протестовалъ. Великій Князь ушелъ».

Вѣрнѣе было сказать, не «ушелъ», а поспѣшно убѣжалъ, не сдѣлавъ ни малѣйшей попытки спасти Царя, несмотря на то, что, какъ сейчасъ уже совершенно ясно, въ его рукахъ находилось все то, что для этого было необходимо и что онъ обязанъ былъ сдѣлать по долгу присяги. А потому смѣшно читать, что яко бы:

«Теперь доходятъ слухи, что народъ понялъ свои заблужденія, что онъ проситъ(!?) Великаго князя стать во главѣ движенія для спасенія Россіи отъ третьяго интернаціонала.

И Великій Князь рѣшилъ отдать себя на служеніе Россіи ...»

Въ свое время, когда это можно было сдѣлать, Николай Николаевичъ панически преклонился передъ шайкой узурпаторовъ Керенскаго; «дядя» и не пытался даже тогда стать на защиту «племянника», а отправилъ вѣрноподданическую телеграмму, Временному Правительству» о готовности служить новой власти.

Ко всему этому надо добавить, что Великій Князь Николай Николаевичъ вообще не обладалъ тактомъ, приличествующимъ его высокому положенію. Такъ, напр., будучи въ гостяхъ у французовъ, послѣ обильнаго завтрака на маневрахъ, въ приграничной съ Германіей полосѣ, онъ учинилъ прогулку вплоть до германского часового, стоявшаго на рубежѣ, между двумя государствами, не особенно дружелюбно другъ къ другу относившимся.

Такая безтактность вызвала даже необходимость министра иностранныхъ дѣлъ Сазонова въ сентябрѣ 1912 г. доложить Государю слѣдующее:

«... о почерпнутыхъ мною въ Берлинѣ впечатлѣніяхъ, пріемлю въ долгъ Всеподданнѣйше доложить, что г. фонъ Бетманъ - Гольвегъ и г. фонъ Кидерленъ - Вехтеръ, оба съ сожалѣніемъ упомянули мнѣ о впечатлѣніи, произведенномъ въ Германіи недавнимъ посѣщеніемъ Его Императорскаго Высочества, Великаго Князя Нико-

лая Николаевича приграничныхъ французскихъ крѣпостей».

Министръ иностранныхъ дѣлъ эту, по истинѣ медвѣжью услугу Великаго Князя нашей политикѣ, не могъ обойти молчаніемъ и призналъ необходимымъ внести ее въ письменный докладъ Его Величеству.

Принимая во вниманіе все приведенное выше смѣшно читать увѣреніе, что «когда призоветъ русскій народъ Великаго Князя, не мечь и не казнь, не судъ и расправу понесетъ онъ въ измученную, наблудившую (?) Россію, но законъ и порядокъ, прощеніе и забвеніе народу русскому его роковыхъ ошибокъ и заблужденій.

Тогда пойдетъ онъ творить, на развалинахъ стараго, Россію сильную, богатую и славную.

Ему нужны средства для этого. Громадныя средства въ государственномъ размѣрѣ. Онъ не изъ тѣхъ, кто станетъ продавать, сдавать въ рабство иностранному капиталу русскій народъ.

Онъ знаетъ, что безъ внѣшняго займа не спасти Россію и не помочь подняться русскому народу.

Надо занять (!). Но надо такъ занять, чтобы уплата была необременительная, чтобы не затянуть себя тугою петлею долговъ.

Дадутъ взаймы, когда будутъ имѣть вѣру, что данныя деньги не пропадутъ, а пойдутъ на возстановленіе Россіи. Большевики, какъ ни бьются, а получить денегъ ни отъ кого не могутъ. Третій годъ они ищутъ кредита, предлагаютъ самыя выгодныя условія, готовы все отдать иностранному капиталу, только дай имъ въ долгъ.

А имъ не даютъ.

Потому что вѣры въ большевиковъ не имѣютъ.

И не дадутъ.

Какъ только призоветъ Россія Великаго Князя, ему дадутъ средства помочь Россіи, потому что узнаютъ, что онъ имѣетъ кредитъ у русскихъ (?!)».

Этотъ курьезный финансовый монологъ оканчивается неожиданнымъ заключеніемъ:

«А пока еще не можетъ Россія громко выразить свое желаніе, мы должны помочь Великому Князю.

И мы можемъ помочь».

И эти «мы», т. е. «каждый изъ насъ» должны вносить «ежемѣсячно, по одному французскому франку и положить этотъ франкъ въ складчину для Великаго Князя Николая Николаевича на дѣло спасенія Родины».

Не совсѣмъ осмысленный финансовый проектъ этотъ патетически гласитъ въ довершеніе всего:

«Вражескія деньги были хороши для разрушенія Россіи. Для созиданія Россіи нужны святыя, чистыя деньги, пóтомъ труда добытыя и

горючими слезами омытыя и мы дадимъ нашему Великому Князю такія святыя деньги, чтобы могъ онъ начать творить на нихъ свое дѣло спасенія Россіи».

«Одинъ франкъ въ мѣсяцъ!»

«Не оскудѣетъ отъ этого наша нищенская сума, но изъ нашихъ жалкихъ грошей лучше и крѣпче созиждется прекрасное зданіе Россіи (она сейчасъ вѣдь совсѣмъ красная и распрекрасная), потому что будутъ это: чистыя деньги».

Дай - то Богъ, чтобы эти гроши попали въ концѣ концовъ въ «чистыя» руки и черезъ нихъ въ голодныя рты на Руси. Это по словамъ автора проекта: «не слова... не рѣчи... не программы... не лозунги... не объединенія, а деньги, русскій капиталъ, собранный для великаго дѣла спасенія Родины».

Къ зародившемуся благородному чувству спасти наконецъ Родину отъ засилія деспотической, чисто разбойной, власти, нельзя не отнестись иначе какъ съ полнѣйшимъ уваженіемъ и похвалою. Но какъ къ выбору «спасителя» въ лицѣ Великаго Князя Николая Николаевича, такъ и къ нищенскому собиранію франковъ на такое великое дѣло, смѣшно было бы отнестись одобрительно.

О Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ мы можемъ судить по дѣламъ имъ содѣяннымъ на виду у всѣхъ государствъ земного шара, которыя не служатъ доказательствомъ присутствія у

него какихъ - либо признаковъ государственнаго ума, полководческаго дара, военной доблести и общечеловѣческой порядочности. Этотъ злой геній бѣднаго погибшаго Царя мученика Николая II былъ дѣйствительнымъ виновникомъ, помимо, можетъ быть, своего желанія, тѣхъ несчастій, которыя загубили Россію.

Что онъ самъ этого несознаетъ, нѣтъ ничего удивительнаго. Но, какъ могутъ интеллигентные люди, имѣющіе возможность ознакомиться документально съ явно преступною, въ государственномъ смыслѣ этого слова, дѣятельностью фатальнаго для нашего Государя «дяди», рекомендовать теперь Николая Николаевича на дѣло спасенія Россіи, гибели каторой онъ больше всѣхъ способствовалъ, а теперь менѣе всего пригоденъ для возстановленія нашего отечества?

Когда Николай Николаевичъ былъ назначенъ предсѣдателемъ Совѣта Государственной Обороны, онъ долженъ былъ приступить къ обсужденію тѣхъ мѣръ, которыя вели бы къ возстановленію утерянной боеспособности русской арміи, послѣ несчастной для насъ Японской войны. На это нужны были, понятно, соотвѣтствующіе отпуски средствъ, которыя министромъ финансовъ Коковцовымъ урѣзывались, до крайности. Великій Князь пытался лично уламывать непокладистаго министра финансовъ Коковцова, но изъ этого ничего не выходило; въ поединкѣ на языкахъ, Николаю Николаевичу одолѣть Влади-

міра Николаевича Коковцова, было конечно не по силамъ, да и мозговой аппаратъ великокняжескій уступалъ своимъ развитіемъ значительно таковому хитроумнаго министра финансовъ. Послѣдній же способенъ былъ потокомъ своей рѣчи потопить любаго соперника - могикана.

Впродолженіи почти четырехъ лѣтъ, благодаря безтолковому руководительству засѣданіями Совѣта Государственной Обороны Великимъ Княземъ, не только не было сдѣлано ничего существеннаго для приведенія арміи въ порядокъ, но не выработана даже и программа возстановленія боеспособности войсковыхъ частей. И Николая Николаевича, не только не привлекли за это къ отвѣтственности, а когда таковое его «бездѣйствіе власти» довело армію до окончательнаго развала, то даже удостоили его Высочайшей благодарности, что было похоже уже на иронію.

Взялся затѣмъ Великій Князь за роль полководца въ 1914 г. и съ такимъ же успѣхомъ повелъ операціи нашихъ войскъ, съ какимъ онъ до войны велъ засѣданія Совѣта Государственной Обороны. А сейчасъ у него сторонники, которые готовы поручить ему возстановленіе порядка на Руси! Только этого не доставало, чтобы внести въ его послужной списокъ третій грандіозный провалъ Великаго Князя Николая Николаевича Романова . . .

«Монархизму» вообще сейчасъ не везетъ. Русская пословица гласитъ, что «кого Богъ захочетъ наказать, прежде всего у того разумъ отниметъ».

Это именно и случилось съ такимъ удивительнымъ органомъ печати какъ «Высшій Монархическій Совѣтъ», претендующій на репутацію органа, ратующаго о возстановленіи монархической власти въ Россіи и достигающаго по недомыслію и убожеству своему совершенно противоположнаго результата.

По наружному виду это какой - то жалкій листокъ, неопрятный не только по облику, но и по внутреннему своему содержанію. Послѣднее до того убого и неразумно, что на «монархическій» органъ не похоже и пахнетъ отъ него скорѣе какой - то своего рода провокаціей со стороны противниковъ монархизма.

Достаточно указать, въ этомъ отношеніи на то, что въ немъ проповѣдуется введеніе политики въ войскахъ! . . *). Подобный злокозненный рецептъ могъ прописать лишь «Совѣтъ нечестивыхъ», а никакъ только не истинно «монархическій». Въ этомъ кажется, не трудно было убѣдиться на русской арміи, подъ предводительствомъ Великаго Князя Николая Николаевича, не устоявшей передъ внѣдреніемъ въ ней политики, которая и привела въ результатѣ къ «красной арміи», въ свою очередь способствовавшей гибели русскаго государства.

*) 1925 г. № 7, «Армія и политика».

Изъ кого состоитъ этотъ курьезный «Совѣтъ» неизвѣстно; пропечатано лишь, что подписка на провокаціонный листокъ этотъ принимается въ Берлинѣ, по адресу нѣкоего Тальберга, и только; игра, стало быть, въ жмурки и не безъ подвоховъ.

Къ счастью для дѣйствительныхъ монархистовъ, эта макулатура, не только не имѣетъ и тѣни какого - либо успѣха, но до глупости наивно выдаетъ чистой воды эксплоатацію лицъ, неосторожно жертвующихъ на подобное недобросовѣстное дѣло деньги.

Инсинуаціями, поклепами и ложью подобный нечистоплотный листокъ могъ бы играть лишь въ руку «лѣвыхъ», а не правыхъ, если бы удостоился общественнаго вниманія и широкого распространенія. Но этого, конечно, нѣтъ, ибо редакція не имѣетъ даже способныхъ, искусныхъ сотрудниковъ, для ядовитаго уязвленія противниковъ ея провокаторскихъ выступленій, безусловно вредныхъ дѣлу монархической пропаганды.

Насколько здѣсь за рубежомъ можно судить, никакого нормальнаго государственнаго строя въ «Россіи» не существуетъ, да и этотъ терминъ сейчасъ замѣненъ сочетаніемъ негласныхъ буквъ, которе непроизносимо: «СССР».

Долженъ признать, что надежды на скорое возстановленіе какого - нибудь терпимаго порядка въ этой несчастной странѣ надежды пока мало. Что будетъ впереди, гадать, конечно, трудно, клубокъ запутался такъ, что не найти и мастера, который твердою, разумною рукою взялся бы за дѣло и толково сталъ его распутывать; сейчасъ такого еще не видно. Тѣ же, которые играютъ на ставку Великаго Князя Николая Николаевича, жестоко ошибаются въ работоспособности этого бывшаго члена Императорской Фамиліи, не обладающаго ни единымъ свойствомъ, потребнымъ для такого неимовѣрно труднаго дѣла, какъ возстановленіе русскаго государства, до тла разгромленнаго.

Передъ русскимъ народомъ экзамена своего Великій Князь Николай Николаевичъ не выдержалъ, предалъ своего племянника и отряхнувши прахъ отъ ногъ своихъ — русскую землю покинулъ.

Между тѣмъ продолжительное господство большевиковъ на Руси, въ культурномъ отношеніи все больше и больше, во всей государственной машинѣ усиливаетъ «задній ходъ» на пути форменнаго регресса. Выясненію этого вопроса не способствуетъ и полемика различныхъ партій на страницахъ иностранной прессы.

Партіи, осуждавшія старый режимъ, свергнувъ царское правительство и въ лицѣ своихъ представителей стоявшія у власти, очень быстро показали всю свою несостоятельность, когда отъ слова пришлось переходить къ дѣлу.

Сваливать вину въ гибели Россіи на голову одного, мученически пострадавшаго Императора Николая II, возмутительно несправедливо. Прежде всего онъ не искалъ и не добивался трона, по закону о престолонаслѣдіи ему досталась «тяжелая шапка Мономаха». и онъ пытался отъ нея отказаться, но отецъ умирающій на это согласія своего не далъ.

А разъ судьба поставила его во главѣ русскаго царства, въ мѣрѣ своихъ силъ и способностей онъ правилъ этой необъятной державой, какъ понималъ въ этомъ отношеніи свой долгъ и ниспосланное ему Господомъ Богомъ тяжкое испытаніе.

Къ несчастью «дядя» оказался не на высотѣ той роли, которая выпадала на него, какъ на старшаго родственника юнаго и неопытнаго «Самодержца». Племяннику своему онъ не помогалъ, когда надо было, скорѣе мѣшалъ и за кулисами подавалъ лишь зловредные предательскіе совѣты. А въ критическую минуту подалъ Царю и предательскій совѣтъ отказаться отъ престола, вмѣсто того чтобы всѣми силами броситься къ нему на выручку.

И въ русской исторіи оказалась теперь страница, въ которой значится, что Верховный вождь Русскаго царства, находившійся во главѣ дѣйствующей арміи, окруженный свитой въ Ставкѣ Верховнаго Главнокомандующаго, охраной и конвойными частями войскъ, подписалъ свое от-

реченіе отъ власти Монарха по наглому требованію двухъ явившихся штатскихъ людей, которыхъ слѣдовало лишь повѣсить на воротахъ одного изъ ближайшихъ домовъ, близь той же «Ставки» и полевого штаба.

Здѣсь «за рубежомъ», отъ моихъ соотечественниковъ, покинувшихъ родину, приходилось иногда слышать мнѣніе, что если бы вмѣсто слабовольнаго Николая II, на престолѣ своего племянника, очутился его дядя Николай III, Россія не уподобилась бы рыхлому конгломерату, развалившемуся на составныя части, въ 1918 году.

Пожалуй этого не случилось бы въ 1918 г. потому только, что «дядя» самодержецъ гораздо раньше того умудрился бы довести многострадальную Русь до основательнаго развала. Для этого у него много шансовъ было по натурѣ, добрыхъ сподвижниковъ себѣ онъ, конечно, нашелъ бы.

Личныя отношенія сына къ отцу, Николаю Николаевичу старшему, возмущали насъ простыхъ смертныхъ; у него не хватало такта и выдержки, чтобы скрывать свое не всегда почтительное поведеніе и злобную критику отцовскихъ взглядовъ и мѣропріятій. Вмѣстѣ съ тѣмъ у него самого не было способности разбираться вообще въ дѣлахъ государственной

важности. Но нельзя не признать, что относительно спеціально кавалерійскаго дѣла его дѣятельность отвѣчала современнымъ требованіямъ и для преуспѣванія нашей конницы Николай Николаевичъ младшій сдѣлалъ не мало.

Заканчивая свой очеркъ о Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ младшемъ, я не могу не прибавить слѣдующее:

Возможно, что я обошелъ бы совершенно этого Великаго Князя, несмотря на мое глубочайшее убѣжденіе, что именно Николай Николаевичъ былъ злымъ геніемъ и своего племянника и всей династіи Романовыхъ послѣдняго двадцатипятилѣтія и, наконецъ, самой Русской Монархіи!

Возможно, что я предпочелъ бы промолчать о Николаѣ Николаевичѣ именно потому, что никогда не могъ симпатично отнестись къ нему и еще потому, что съ его именемъ связано слишкомъ много моихъ личныхъ переживаній, самыхъ тяжелыхъ въ моей жизни.

Такъ бы я и поступилъ, конечно, если бы Николай Николаевичъ, скрывшись за границу, не дерзнулъ выступить на активное политическое поле дѣятельности. Но въ теченіи послѣднихъ пяти лѣтъ, Великій Князь выступаетъ опредѣленымъ бойцомъ за возстановленіе имъ же сами́мъ погубленной монархіи въ Россіи. Въ теченіе пяти лѣтъ Николай Николаевичъ сѣетъ рознь и смуту въ русской эмиграціи — монархической оріентаціи. Въ теченіе пяти лѣтъ Николай Николаевичъ, руководимый знаменательными «черными дамами», сестрами черногорскими, искусно и строго конспиративно подготовляетъ русскій престолъ для с е б я л и ч н о. «Шила въ мѣшкѣ», однако, «не утаишь»; истина вышесказаннаго явно проглядываетъ во всѣхъ дѣйствіяхъ Николая Николаевича и ее никакія завѣренія свиты его антуража и никакія туманныя разглагольствованія съ газетными интервьюверами и довѣрчивыми посѣтителями изъ аристократическихъ знатныхъ иностранцевъ, не затушуешь.

Погубивъ и предавъ своего племянника Николая II, Великій Князь Николай Николаевичъ, въ тайникахъ своей души надѣется возстановить этотъ свергнутый имъ престолъ для новаго Императора Николая Третьяго.

И для достиженія своей преступной цѣли Великій Князь Николай Николаевичъ не задумывается ни передъ какими средствами вплоть до военной интервенціи включительно. Болѣе того, только лишь путемъ интервенціи онъ и считаетъ возможнымъ возвести на престолъ Николая III, т. е. с е б я с а м а г о.

Жестокій и безпощадный по своей натурѣ, не довольствуясь моремъ пролитой въ Россіи кро-

ви, Николай Николаевичъ опять хочетъ ввергнуть Россію въ самую ужасную изъ войнъ — междуусобную...

Вотъ почему я не смогъ и не долженъ былъ молчать, а счелъ своимъ долгомъ передъ Родиной, заявить во всеуслышаніе, что изъ себя представляетъ Великій Князь Николай Николаевичъ младшій, чѣмъ обязана ему Россія передъ войной и во время ея и что онъ замышляетъ пагубное для нея теперь.

СОДЕРЖАНІЕ.
